

Санкт-Петербургский государственный университет

НИКОЛАЕВА Дарья Игоревна

Выпускная квалификационная работа

**Почётные надписи (tituli honorarii) в Римской империи: особенности и
проблемы изучения**

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5804. «Классическая филология и
античная традиция в мировой культуре»

Научный руководитель:
доцент, Кафедра классической
филологии,

Кейер Денис Валерьевич

Рецензент:

доцент, Кафедра
древних языков
исторического

факультета МГУ,
Белоусов Алексей Владиславович

Санкт-Петербург
2022

Содержание

Введение.....	3
1 История возникновения почётных надписей.....	8
1.1 Проблема выделения почётных надписей как подкласса.....	8
1.2 Развитие почётных надписей из элогий.....	22
1.3 Структура почётной надписи.....	30
2 Изучение почётных надписей времён Римской империи.....	36
2.1 Почётные надписи мужчинам.....	36
2.2 Почётные надписи женщинами.....	50
Заключение.....	73
Список использованной литературы.....	75

Введение

Выпускная квалификационная работа посвящена исследованию римских почётных надписей времён Империи. В конце прошлого века до н.э., одновременно с переходом к автократии, римской культурной революцией и периодом становления провинциальных культур, в Римской империи произошёл эпиграфический бум. Бурный рост числа новых надписей и последующий взлёт и падение эпиграфической культуры пережили как восточные, так и западные провинции, как в греческой, так и в латинской эпиграфике.¹ По всей Империи количество надписей, создаваемых из года в год, начало расти, начиная примерно с периода правления Августа (27 г. до н. э. - 14 г. н.э.) и увеличиваясь в течение второго столетия. Почётные надписи в каждом из регионов, которые затрагивались в нашем исследовании, были установлены приблизительно во II-III вв. н.э., и вершина роста и популярности почётных надписей в каждом регионе была своя. Тем не менее, повсеместно последующий спад был намного быстрее первоначального взлёта. Эпиграфический материал сохранился в большинстве регионов Империи до IV в. н.э, но почётные надписи поздней Империи встречаются гораздо реже и заметно отличаются от более ранних по жанру, форме и стилю.² Дабы исследовать надписи на пике их развития и популярности, наше исследование посвящено надписям времён Римской империи.

Дошедший до нас комплекс эпиграфического материала нередко нуждается как в лексической, так и в реальной интерпретации, что составляет собственно-филологический аспект исследования. Культурологический аспект исследования состоит в установлении и анализе проблем, которые связаны с трактовкой надписей с точки зрения римской истории и культурологии.

¹ Mrozek S. A propos de la repartition chronologique des inscriptions latines dans le Haut-Empire, *Epigraphica* 35, 1973. Pp. 113-118.

² Woolf G. Monumental Writing and the Expansion of Roman Society in the Early Empire. *The Journal of Roman Studies*, 86, 1996. P. 22.

Эпиграфика предоставила людям средство, с помощью которого они могли вписать своё имя в историю, зафиксировав в вечной форме свои заслуги и свою принадлежности к культам, богам, людям, а также к городам и Империи в целом. При этом они привлекли к таким качествам общества того времени, как изменчивость социальных ролей, разная степень свободы в приписывании человеку тех или иных заслуг и качеств – в результате, почётные надписи отражают этот изменчивый характер.

Одна из проблем чтения надписей заключается в том, что они шаблонны и полны сокращений (имён, должностей, названий мест и т.д.), поэтому неспециалистам в области эпиграфики, даже тем, кто достаточно хорошо знает язык, необходима помощь в их интерпретации. Проблемы, охватывающие чтение латинских почётных надписей, включают в себя: концепцию визуальной и словесной составляющей почитаемого человека; знание политической истории; понимание имён правителей, государственных служащих, деятелей духовной культуры, а также умение искать информацию об этих людях, если установить их историческую подлинность представляется возможным; понимание государственных должностей и порядок их приобретения; знание римской армии, её структуру и военную организацию; умение определять и трактовать множество коллегий, которые были ответственны за установку статуи с сопутствующей надписью и многое другое, что предстоит рассмотреть в данной работе.

Актуальность работы состоит в том, что на сегодняшний день почётные надписи предоставляются нам недостаточно изученными во всём их многообразии, ведь почётная надпись – это не всегда перечень занимаемых должностей почитаемого человека, но и описание его роли в жизни общности, указание на его личностные заслуги или вовсе отсутствие намёков на то, почему человека решили почитать. Рассмотренный нами перечень работ по той или иной почётной надписи помог сделать вывод, что разные учёные трактуют их по-своему, поскольку не всегда проблемные места в надписях могут быть однозначно определены – в данной работе мы ставим

цель объяснить их с нашей точки зрения, освятив моменты, которые вызывают споры.

При написании работы использовался ряд научной литературы, посвящённый не только почётным надписям, но и латинской эпиграфике в целом. Во время общего введения в изучение почётных надписей мы довольно часто прибегали к руководству по латинской эпиграфике Э. Кули³, которое во многом помогло нам разобраться в том, что из себя представляют почётные надписи и каково их положение в общей классификации. Стоит отметить, что работа посвящена различным видам надписей, поэтому почётным надписям Э. Кули отводит слишком мало времени, акцентируя внимания на общем эпиграфическом материале римского мира. Похожий труд был издан под руководством Кр. Брууна⁴, в котором мы, преимущественно, опирались на статью по основным существующим типам надписей. В этой же главе, в первом параграфе, мы разбирали две почётные надписи в качестве примера того, как они устроены и как, порой, бывает сложно их прочесть; для разрешения части вопросов мы обращались ко многим учёным, но для понимания общего смысла особенно ценной была статья Эл. Фентресс.⁵

Неоценимую помощь оказала работа Дж. Сэндиса⁶, которая помогла нам разобраться, в чём существенное отличие почётных надписей от элогий. Тут стоит отметить, что многие исследователи, как будет пояснено в соответствующей главе исследования, называют элогиями почётные надписи, в то время как другие отделяют одни от вторых, но не указывают их отличие друг от друга. Благодаря труду Сэндиса, мы смогли разобраться в этом вопросе, а также почерпнуть информацию по историческому развитию почётных надписей: от самых кратких и лаконичных до традиционных образцов, принятых на пике популярности надписей во времена Империи.

³ Cooley A.E. The Cambridge Manual of Latin Epigraphy. Cambridge University Press, 2012.

⁴ Bruun Ch. The Oxford Handbook of Roman Epigraphy // Edited by Christer Bruun, Jonathan Edmondson. Oxford University Press, 2015. В особенности, стр. 89.

⁵ Fentress E. Frontier Culture and Politics at Timgad. Bulletin Archéologique du C.T.H.S., 17b, 1984.

⁶ Sandys J.E. Latin epigraphy: an introduction to the study of Latin inscriptions. Cambridge: University Press, 1919.

Необходимо добавить, что для второй главы, в которой нами были переведены и исследованы надписи мужчинам и женщинам, мы достаточно часто обращались к трудам Э. Форбис⁷, которая исследовала различные виды почестей и доблестей в почётных надписях – особенный интерес для нас представляли её исследования в области надписей женщинам. Благодаря её анализу и выявлению наиболее частотных или же наиболее редких доблестей, мы смогли сделать вывод, какие заслуги и черты в исследуемых нами надписях носили частотный или исключительный характер.

Отдельно хочется упомянуть труд Дж. К. Эгберта⁸, к которому мы также не раз обращались, в особенности, для изучения структуры почётной надписи, и работу Е.В. Фёдоровой⁹, которая собрала для нас частотные сокращения и формулы, встречающиеся в надписях – благодаря её работе многие места в надписях не вызвали сложности при передаче их на русский язык.

Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что все основополагающие труды не новы, а новые исследования продолжают выходить, поэтому степень изученности нашего материала довольно посредственная. Мы старались пользоваться и новыми источниками, дабы расширить круг мнений на те или иные вопросы.

Итак, объектом нашего исследования выступают латинские почётные надписи во всём их многообразии, а предметом служит их интерпретация с точки зрения языка, истории и культурологии. Особое внимание мы уделяем структуре надписей и доблестям и заслугам, которые в них чествуются.

Цель выпускной квалификационной работы заключается в анализе особенностей и проблем интерпретации почётных надписей. В соответствии с поставленной целью можно обозначить следующие задачи исследовательской работы: дать определение почётным надписям; разобрать их историческое

⁷ Forbis E. Municipal Virtues in the Roman Empire. The Evidence of Italian Honorary Inscriptions. Beiträge zur Altertumskunde, № 79, 1996; Forbis E. Women's public image in Italian honorary inscriptions. American Journal of Philology 111 (4), 1990.

⁸ Egbert J.C. Introduction to the study of Latin inscriptions. University of California Libraries, 1896.

⁹ Фёдорова Е.В. Латинская эпиграфика. Издательство МГУ, 1969.

развитие со времён ранних элогий; обозначить структуру традиционной почётной надписи; перевести и исследовать почётные надписи мужчинам и женщинам из различных регионов и временных отрезков; сделать вывод, чем отличаются все эти надписи и какие закономерности имеют, какие проблемы стоят при их переводе и трактовке.

Методами исследования являются: методологический анализ литературы и метод сплошной выборки, на основе которых была написана теоретическая часть выпускной квалификационной работы; дистрибутивный анализ, с помощью которого исследовались конкретно взятые примеры из корпусов надписей; сравнительно-сопоставительный анализ надписей, в частности, сравнение их структур.

1 История возникновения почётных надписей

1.1 Проблема выделения почётных надписей как подкласса

Выделение такого подкласса, как почётные надписи, является довольно условным, поскольку нет определённых рамок, под которые можно подогнать надписи: они так или иначе будут друг с другом пересекаться. Вероятно, главное, чем стоит руководствоваться при разделении огромной массы сохранившихся «документов» римского мира, – это их публичность или же, наоборот, частность. Публичные надписи выполняли памятную функцию и поэтому были найдены на памятниках, установленных в общественных местах. Часто текст таких надписей был выведен аккуратными крупными буквами (лат.: *litterae lapidariae*, или лапидарное письмо) на каменной или бронзовой поверхности. Частные надписи изготавливались на предметах повседневного обихода или на стенах, часто мелкими буквами, без излишней помпезности. В отличие от публичных надписей, которые были рассчитаны на долговечность, частные надписи сохранились лишь благодаря прочному и относительно дешёвому для того времени материалу – керамике, костям или металлу. Поскольку частные надписи сохранились на прочных поверхностях, их также можно включить в область исследования, ибо любой текст, написанный на более-менее долговечной поверхности отвечает определению эпиграфического текста. И пусть публичные надписи составляют основу римской эпиграфической культуры, частные позволяют нам оценить большее количество обыденных стилей письма и, таким образом, пролить свет на различные вопросы, включая грамотность тех времён.

Различные авторы, исследующие проблемы изучения латинской эпиграфики, предлагают разные варианты классификации надписей. Например, в Оксфордском справочнике по римской эпиграфике можно найти классификацию, исходящую именно из различия публичных и частных надписей. В этой классификации публичные надписи группируются в

соответствии с функцией, которую выполняют (священные, почётные, надгробные и др.), а частные входят в раздел под названием *instrumentum domesticum*, где различают разнообразные граффити, надписи на клеймах и табличках. Сообразно с вышеизложенным, приводится следующая классификация надписей: 1) Публичные надписи: а) почётные надписи (стандартные почётные надписи, надписи на зданиях, надписи на дистанционных столбах); б) надгробные надписи (стандартные эпитафии, стихотворные эпитафии); в) посвятительные надписи (священные законы и вотивные надписи; молитвы богам; надписи на скалах); г) официальные надписи, т.е. заказанные местными властями (законы и декреты; таблички с текстом соглашений об увольнении из армии, покровительстве); д) дипинти, т.е. короткие нацарапанные или нанесённые краской на различных сосудах надписи; 2) Частные надписи: а) домашние надписи на мозаиках и настенных росписях; б) граффити; в) надписи на бытовых предметах; г) надписи на писчих табличках; д) надписи на табличках с проклятиями [Bruun 2015, 89].

Как можно заметить, классификация довольно условная: большинство надписей имеют двойственную природу, относясь сразу к нескольким выделенным типам. Исследуемые в данной работе почётные надписи могут, с какой-то стороны, относиться и к официальным, ведь именно власти позволяют ставить памятники и располагать рядом с ними надписи тем или иным людям. Почётные надписи также могут быть погребальными, поскольку большинство надписей устанавливается посмертно. В большинстве изданий, касающихся эпиграфики, нет категоризации надписей. Например, в Кембриджском руководстве говорится лишь о том, что мы можем разделять надписи по функциям (надгробные, почётные, религиозные и др.); по типу памятника или монумента (гробница, основание статуи, алтарь); по типу текста (эпитафия, указ, клятва); по роду материала (камень, металл, керамика, стена, мозаика); по способу письма (резьба, краска, тиснение, выцарапанная надпись) [Cooley 2012, 127].

Е.В. Фёдорова во «Введении в латинскую эпиграфику» также отмечает отсутствие единой классификации надписей, поскольку в древнем мире никто не пытался свести их богатое разнообразие к однотипным формам. Действительно, характер надписей зависит от исследователя, поэтому ему решать, какие виды надписей он выберет для изучения. Тем не менее, Фёдорова, как и большинство исследователей, для удобства делит надписи по содержанию: почётные, надгробные, строительные, надписи на различных предметах и документы [Фёдорова 1982, 125].

Классификации надписей облегчают применение эпиграфического материала в исторических исследованиях, однако они не учитывают мотивов, побудивших людей создавать надписи. И пусть надпись на основании монумента может быть классифицирована как, в основном, почётная, имело большое значение, кто профинансировал её появление там, был ли этот монумент установлен в общественном месте, в чьём-либо доме, в гробнице, был ли он установлен городским советом, провинцией, чьим-то вольноотпущенником или кем-либо ещё.

Почётные надписи, вырезанные преимущественно на основаниях статуй, наряду с эпитафиями составляют наиболее распространённую форму надписей. Эта форма чествования была греческой по происхождению, но в конечном итоге была введена в Риме, получив широкое распространение только во II в. до н.э. Посвящения могли быть помещены и на колоннах, различные образцы которых сохранились с республиканского периода, на арках, что представляет собой более позднюю инновацию, или просто на табличках. В почётных надписях основными элементами были имя почётного лица и описание почестей, которые ему воздают, с восхвалением его доблестей. Обычно включалось имя посвящающего, поскольку это позволяло ему ассоциироваться с памятным мероприятием. До конца эпохи Республики те, кого чествовали, обычно были сенаторами, и их имена упоминались вместе с их нынешней должностью или той, которую наиболее важно упомянуть посвящающим. Однако начиная с Августа стало нормой предоставлять

подробную информацию о карьере почитаемого (его *cursus honorum*), которая до этого была исключительно достоянием элогии, сопровождавшей маски и изображения предков (*imagines maiorum*), и которая иногда включалась в эпитафии, как в случае с известной гробницей Сципионов (CIL I 6-11 = ILS 1-4, 7) [Bruun, 2015 92]. Элогии были древнейшим видом почётных надписей в Риме. Они указывали лишь краткий перечень заслуг человека. У знатных римлян был обычай сохранять в доме восковые изображения тех предков, которые занимали курульные должности. Их изображение помещали в шкафы в атриумах, сопровождая каждое из них краткими надписями, в которых указывались их имена и перечислялись заслуги. Одним из самых ранних известных примеров того, как выглядит полный *cursus honorum*, является надпись римскому политическому деятелю Луцию Аквиллию Флору в 3 в. до н. э. (CIL III 551 = ILS 928); именно эта «модель» чествования начала распространяться только при правлении Августа.

Как в Риме, так и в местных муниципиях по всей империи установка статуй с именем и должностями почитаемого человека контролировалась властями, которые выступали в качестве арбитров сложившейся конкуренции и регулировали её. В провинциях политика чествования контролировалась местным советом, что отразилось в дальнейшей приписке к надписям «*l(oco) d(ato) d(ecreto) d(ecurionum)*» (т.е. на месте, данном по декрету декурионов), а в Риме сначала сенатом, а затем императором, хотя на практике именно распорядители *operum publicorum*¹⁰ и другие должностные лица отвечали за выделение места для этих статуй. Начиная с Августа, некоторые виды почестей, например, такие как триумфальные арки, были специально зарезервированы для императора. Таким образом, форумы стали ареной для гражданской конкуренции, в ходе которой известные семьи укрепляли свои позиции перед народом, подчёркивая свои доблести в служении государству.

¹⁰ Геффкен Й. Реальный словарь классических древностей. Под ред. Й. Геффкена, Э. Цибарта, Тойбнер, 8-ое издание, 1914.: *Opus publicum* – всякое сооружение, принадлежащее государству или общине; цензоры, а впоследствии императоры уполномочивали особых распорядителей *operum publicorum* заключать сделки с подрядчиками.

Согласно всё той же оксфордской классификации, к почётным надписям также относятся надписи, касающиеся строительства, ремонта и украшения общественных зданий. Городские власти разрешали благотворителям писать свои имена на соответствующих зданиях, что придавало этим надписям дополнительную памятную функцию. Из эпохи Республики сохранилось огромное количество надписей, продиктованных местными магистратами, которым было поручено построить городские стены, ворота и башни. В Риме полководцы финансировали строительство зданий в честь своих успешных военных кампаний, но сохранилось лишь несколько памятных надписей о таких мероприятиях. В небольших зданиях такие тексты могли быть включены в *opus signinum* (строительный материал) полов, как, например, это было сделано в святилище Дианы Тифатины¹¹ в Кампании (CIL I 2948).

Почётные надписи на дистанционных столбах составляют особую подкатегорию строительных надписей и включены в отдельный том CIL (CIL XVII). Первоначально это были простые указатели, установленные вдоль дорог с указанием расстояния, но они появлялись в память о человеке, ответственном за строительство или ремонт дороги. Этот тип надписей засвидетельствован между 3 в. и 120 гг. до н.э. в Италии, а также в Нарбонской Галлии и Ближней Испании. После некоторого перерыва практика установления дистанционных столбов с почётными надписями была вновь введена и развита Августом начиная с 20 г. до н.э. У Северов¹² памятная функция столбов была подчёркнута тем, что имя императора было представлено в дательном, а не в именительном падеже. При этом почётные столбы не использовались для разметки расстояния, а устанавливались отдельно. Сюда же мы относим и межевые знаки на дорогах (ILS 5922-45; CIL VI 40652-889). В дополнение к их основной функции по обозначению границ, они также имели памятную функцию, предоставляя на всеобщее обозрение

¹¹ В римской мифологии Диана – богиня растительности. Известные нам святилища Дианы находятся на горе Тифате в Кампании (отсюда эпитет Дианы Тифатины).

¹² Финикийская династия римских императоров в 193-235 гг.

имя магистрата, любого должностного лица или императора, ответственного за разметку границ. Дистанционные столбы и межевые знаки обычно встречаются в сельской местности, что резко контрастирует с преимущественно городским характером почти всех других типов надписей.

Возвращаясь к обсуждению стандартных почётных надписей и *cursus honorum* почитаемых, стоит отметить, во-первых, что надпись не является сама по себе честью, поскольку надпись – это всего лишь пояснительный текст, расположенный рядом с монументом, который возвели в честь кого-либо (как правило, это статуя человека). Если статуи не было, просто полагалась надпись на каком-либо предмете или поверхности. Во-вторых, слово *cursus* (путь) также вводит в заблуждение, поскольку создаёт ложное впечатление, что надпись представляет собой некую последовательность почестей, в то время как на самом деле это перечисление этапов карьеры.

На многих основаниях статуй перечислены полные имена и карьера того, кому статуя посвящается, и, как правило, они считаются достоянием общественности. Хотя многие почётные статуи были установлены в общественных местах, некоторые другие были выставлены и в домах частных лиц (особенно в Риме, где демонстрация в общественных местах была особенно жёстко регламентирована) и могли быть установлены частными лицами, а не государственными органами. Таким образом, существовала огромная разница в степени почёта, оказываемого получателю надписи, и государственные органы осуществляли жёсткий контроль за тем, кому было разрешено установить статую в общественном месте: например, существовала большая разница между статуей, установленной по постановлению местного городского совета за государственный счёт в общественном месте, и статуей, установленной в доме почитаемого членом семьи. Кроме того, многие статуи, которые предназначались для чествования человека, вероятно, остались вообще без каких-либо надписей, особенно те, которые были установлены в его собственном доме.

Традиция чествования людей статуями со временем изменилась, и значимость такой фигуры как Гай Юлий Цезарь (100-44 гг. до н.э.), которому были поставлены статуи во всех основных общественных местах Рима, ознаменовало важный перелом в развитии почётных надписей. В течение последующих столетий в городах за пределами Рима можно обнаружить изменения в языке, используемом для описания почитаемых людей. Одним из главных изменений стал отказ от перечисления различных этапов в чьей-либо карьере; вместо этого упоминается только его нынешняя или последняя должность, а прочее посвящено описанию достоинств человека. Идеология тогда вела к тому, что одни добродетели ставились выше других. Так, например, *liberalitas* (милосердие) и *largitio* (щедрость)¹³, которые часто упоминались в надписях императорам, в II-III вв. н.э. начали указываться и в надписях «обычным» личностям, т.е. тем, которые никак не связаны с властью [Forbis 1993, 483-498]. Сложилась довольно показательная тенденция перечислять достоинства человека, удостоенного статуи, отчасти как средство поощрения других подражать его или её поведению. В результате, начиная с III в. н.э. (и примерно столетие спустя в самом Риме), надписи всё меньше и меньше учитывали различные этапы в карьерном пути. В дополнение к тому, что их добродетели восхвалялись, людей также стали часто почитать за их знания и грамотность в тех или иных вопросах. Политика чествования изменялась с течением времени, поэтому с точки зрения как истории, так и языка продуктивно изучать надписи не в какой-то определённый промежуток времени (к тому же, это сложно сделать, поскольку не всегда можно понять, к какому времени принадлежит та или иная надпись), а в их естественном многообразии и развитии.

¹³ При этом раньше словом *largitio* обычно (но не всегда) обозначался подкуп избирателей. Слово стало применяться в другом контексте и в положительном значении, но стоит отметить, что оно и раньше могло употребляться в положительном значении в зависимости от контекста.

То, как менялась манера письма в почётных надписях, можно увидеть на примере двух дошедших до нас надписей. Первая – самая ранняя найденная надпись, посвящённая Авлу Ларцию Приску (109 г. н.э., Тимгад):

A(ulo) Larcio A(uli) filio Quirina Prisco VIvir(o) equitum / Romanor(um) Xvir(o) stlitib(us) iudicand(is) quaestor(i) / provinciae Asiae leg(ato) Aug(usti) leg(ato) leg(ionis) III Scythicae / pro leg(ato) consulare provinciae Syriae trib(uno) pleb(is) / praetori praef(ecto) frumenti dandi ex s(enatus) c(onsulto) leg(ato) pro/vinciae Baeticae Hispaniae proco(n)s(uli) provin/ciae Galliae Narbon(ensis) leg(ato) Aug(usti) leg(ionis) II Aug(ustae) leg(ato) / Aug(usti) pr(o) pr(aetore) exercitus provinciae Afric(ae) VIIvir(o) / epulonum co(n)s(uli) desig(nato) patrono col(oniae) d(ecreto) d(ecurionum) p(ecunia) p(ublica) (CIL VIII 17891 = ILS 1055)

Авлу Ларцию Приску, сыну Авла, из квиринской трибы, севиру римских всадников, децемвиру судебных разбирательств, квестору провинции Азия, императорскому легату четвёртого скифского легиона, консульскому пролегату провинции Сирия, народному трибуну, претору, префекту, отвечающему за распределение зерна в соответствии с указом сената, легату провинции Бетика в Испании, проконсулу провинции Нарбонская Галлия, имперскому легату второго августовского легиона, имперскому легату с преторианской властью армии провинции Африка, септемвиру, ответственному за празднества, назначенному консулу, покровителю колонии. По указу декурионов, за государственный счёт

Вторая надпись посвящена Публию Флавию Пуденту Помпониану:

Vocontio / P(ublio) Fl(avio) Pudenti Pompo/niano c(larissimo) v(iro) erga / cive{i}s patriamque / prolixе cultori ex/ercitiis militaribus / effecto multifari/am loquentes lit/teras amplianti At/ticam facundiam ad/aequantі Romano / nitori / ordo incola fontis / patrono oris uberis / et fluentis nostr[o] / alteri fonti (CIL VIII 2391 = ILS 2937).

Воконтию¹⁴, Публию Флавию Пуденту Помпониану, славнейшему мужу, щедро заботящемуся о своих согражданах и родине, достигшему успехов в военной подготовке, со всех сторон увеличивающему красноречивую словесность, равному уравнивавшему своим аттическим красноречием римское изящество. Сословие – житель источника патрону уст обильных и текущих нашему второму источнику¹⁵

Только по этим двум надписям уже можно многое сказать о характере почётных надписей. Если исходить с точки зрения языка, то сама надпись может многое сказать нам о человеке: о том, чем он занимался, кем был, что совершил при жизни. Эти оба памятника из города Тимгад в Нумидии (ныне это часть Туниса и Алжира) иллюстрируют изменение моды в почётных текстах. Первый был установлен в 110 г. н.э., когда Авл Ларций Приск был назначен консулом-суффектом в конце того года; она представляет собой «восходящий *cursus*», перечисляя заслуги человека на всём его жизненном пути, заканчивая его самым престижным постом консула: возможно, он был удостоен памятника, чтобы отпраздновать своё выдвижение на этот пост. Учитывая, что Траян основал Тимгад в 100 г. н. э., это должно представлять одну из самых ранних почётных статуй (во всяком случае, это самая ранняя из сохранившихся).

Надпись в честь Публия Флавия Пудента Помпониана – это исключительно ранний пример унциального письма (каллиграфический вариант) начала III в. н.э., возможно, выбранный здесь для того, чтобы подчеркнуть, что почитаемый был писателем. Помпониан выступал в качестве известного местного покровителя грамотности и письменности. Он

¹⁴ *Vosontii* (греч. Οδοκόντιο) – название галльского племени.

¹⁵ Очевидно, что этот текст умышленно составлен манерным стилем, но нам предоставляется трудным однозначно его перевести, поскольку мы не понимаем, что за «источники» описывает посвящающий. Нам недоступна статья Salomies O. Some interesting expressions found in late antique honorific inscriptions. В *Miscellanea epigrafica in onore di Lidio Gasperini*, ed. G. Paci (Tivoli 2000) II, Pp. 931–942. На с. 934 обсуждается текст («a monument of obscure eccentricity»). Вторая часть заключительной фразы указывает на то, что адресат покровительствует словесности и в целом назван «вторым источником» города (источника как красноречия, так и средств, то есть он как бы питает город). Первая часть почему-то обозначает городской совет как «сословие, населяющее источник» – возможно, либо источником названо место заседаний городского совета, либо сам город описывался как источник (например, как культурный центр).

происходил из сенаторской семьи, был опытен в военном плане, но при этом является знатоком письменности и устной речи. Во-первых, к Помпониану обращаются как к «Воконтию», что указывает на его гальское происхождение (это необычно и поэтому подчёркивается). Затем следует тщательно продуманное восхваление патриотизма Помпониана, его достижений и знаний. Он сначала сенатор, потом покровитель муниципия. Он выполнял военные обязанности в имперской армии. Но что ещё более важно, он не только красноречивый оратор, он также способен к красноречию на греческом языке. Греческий язык тогда был высшим языком культурной жизни и, как таковой, по-видимому, имел большое значение в Тимгаде. Например, Апулей гордился тем, что писал на греческом и латинском (ему также была поставлена статуя в его родном городе). Одна из них в Мадавре – AE 1919, 36.

Таким образом, Помпониан интегрирован в жизнь Рима как на административном, так и на культурном уровнях. Кроме того, он отмечен этой культурой и равен лучшим из них или, по крайней мере, грамматику Юлию Роману. Если верить оксфордскому классическому словарю, Гай Юлий Роман жил примерно в то же время и был выдающимся грамматиком III в. до н.э. [OCD, s.v. Kaster 2016]. Бюхелер пишет, что след Флавия Помпониана можно найти у грамматика Харизия (IV в. до н.э.), который в *Ars grmmatika* собрал труды ранее издававшихся грамматиков, в том числе и Юлия Романа. [Bucheler 1887, 473]. Согласно Юлию Роману, тексты которого, в свою очередь, входят в сборник по грамматике Харизия, Флавий Помпониан считал, что вместо слова *torques*, употребляемого Сервилием, нужно писать *tores*. Соответственно, Бюхелер заключает, что это тот же самый Флавий Помпониан, который был учёным-филологом, которому в Тимгаде поставили памятник.¹⁶ Отсюда и манерный стиль заключительной фразы надписи.

Имя Романа подходит к данному контексту в следующем ключе: между Римом и Тимгадом в то время была установлена связь на интеллектуальном

¹⁶ Keil H. *Grammatici latini*. University of Toronto, 1857. Vol. 1, p. 145.

уровне. То, что Помпониан остаётся укоренённым в своём городе, подчёркивается тщательно продуманным заключительным комплиментом, который довольно сложно перевести, не зная всей подоплёки.

Город (Тимгад) благословлён множеством источников (*fontes*), один из которых способствует процветанию сельского хозяйства, а другой – питает его интеллектуальную жизнь. Структура надписи проходит от Тимгада до Рима и обратно: Помпониан принадлежит к столичной, т.е. к римской, культуре, но уходит корнями в свою родину, т.е. в Тимгад. Не менее важно и то, какой стиль используется в надписи. Отсылка подобного вычурного стиля к рукописным формам (унциальному письму, в том числе) и литературной жизни того времени очевидна. Именно благодаря имеющимся сведениям об этом мы можем перевести заключительную фразу надписи, которая кажется сложной на первый взгляд. Если соединить вместе латинский оригинал и попытки перевода зарубежных авторов, мы можем додуматься до истинного смысла фразы, в равной степени пролив свет на жизнь Помпониана, что является несомненно главным при изучении надписей – сведения, которые мы можем из них почерпнуть.

«Городской совет Тимгада, житель источника, своему покровителю, такому же источнику, ручью красноречия и текучести» – вольная интерпретация заключительной фразы, которую некоторые учёные трактуют по-разному.¹⁷ Нас заставляют думать, что отмечаемый здесь *fons* (источник), жителем которого является Тимгад, является одним из тех, по соседству с которыми Флавий Помпониан возвёл своё подношение императорской семье, возле *dea patria* (божественной родины). На это, по-видимому, указывает шестиугольное основание рядом с надписью Помпониана, на которую Юлий Фронтин, префект восьмой когорты Воллонтариев, сделал пожертвование *deae patriae suae* (своей божественной родине) [Fentress 1984, 96]. Нам говорят, что

¹⁷ Fentress 1984: «Le conseil municipal de Timgad, qui habite le voisinage d'une source, à son patron, source lui-même, ruisseau d'éloquence, toujours coulant» // Cooley 2012: «The council, inhabitant of the source, to its patron of fertile and fluent expression, our other source».

он совершил великие военные подвиги от имени своего родного города и его жителей. Он также был оратором, который гармонично соединял греческое красноречие с римским изяществом и расширил границы литературного выражения.

Данный пример иллюстрирует изменение характера почётных надписей, восхваляя почитаемого (который изначально родом из этого города) за его красноречие и военные навыки в целом (используя поразительно эксцентричные выражения для такого официального вида надписей), а не перечисляя его различные должности конкретно (что мы подразумеваем под типичным *cursus honorum*). Напротив, другая надпись из Тимгада, которую Помпониан сам себе установил, действительно перечисляла его различные должности, что говорит нам о том, что люди, возможно, всё ещё хотели демонстрировать свою карьеру публично, однако это больше не считалось необходимым элементом почестей.¹⁸

Изменения в политическом ландшафте империи принесли с собой изменения и в её эпиграфическом ландшафте: с 284 г., с административными реформами Диоклетиана, статуи всё чаще устанавливались в честь представителей императора, а не членов муниципальной элиты. Наконец, вся система почётных памятников была подорвана законами середины 5 в. В 439 г. частным лицам было запрещено устанавливать какие угодно памятники в честь императоров, и, наконец, конституция 444 г. потребовала, чтобы почётные граждане сами финансировали памятники, установленные в их честь. Эти законодательные изменения не полностью исключили возможность публичного почитания, но отвлекли внимание от установки памятников. Надписи, сопровождающие их, были заменены другими формами почестей, такими как аккламации и надписи на зданиях, в мозаике и под портретами.

Именно после законодательных изменений в моду вошли надписи на дистанционных столбах, вышедшие далеко за пределы городских центров. В

¹⁸ ILS 8981

то же время другие формы «самопродвижения» развивались на играх и других церемониальных мероприятиях в качестве альтернативы каким-либо монументам. Это ещё раз возвращает нас к проблеме выделения почётных надписей в качестве отдельной категории. Покровительственные (патрональные) таблички, которые, возможно, более тесно связаны с юридическими документами, также имели почётные характеристики и упоминались наравне с памятниками, посвящёнными Аврелию Августину (354-430 гг. н.э.), которых было великое множество.¹⁹ Даже консульские фасты (списки магистратур Рима) были почётными по своему существу, хотя современные учёные изучают их преимущественно в хронологическом аспекте [Rürke 1995, 184-202]. Это ещё раз поднимает нашу главную проблему при классификации надписей, а именно то, что обычные категории в действительности гораздо более трудноразличимы; мы можем понять эпиграфическую культуру, только объединив текст и его физический памятник.

Другими словами, каждый эпиграфический текст сам по себе является выражением чести, термином, подразумевающим добродетель. По этой причине можно было бы ожидать найти такие фразы, как *honoris causa* и *in honorem* в большинстве надписей. Однако выражение почтения редко прямо указывалось в надписях, и это снова могло бы сбить нас в изучении почётных надписей. Ведь как мы можем сделать их областью наших исследований, если не можем точно определить их как категорию? Фразы типа *honoris causa* встречаются довольно редко. И если они всё же употреблены, то почитаемый с большой долей вероятности принадлежит к богатым слоям населения. Те, кто открыто заявляет о чести (*honor*) в своих посвящениях, – это, как правило, власти, официальные органы, вроде некоторых чинов, коллегий и августалов, и общественность в целом, а также некоторые частные лица. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что такие формулы, как *honoris causa* или *in*

¹⁹ Cooley A.E. The Cambridge Manual of Latin Epigraphy. Cambridge University Press, 2012. P. 152.

honorem, не придавали особого престижа почётному званию, а скорее демонстрировали соответствие посвящающих давней традиции почётной риторики. [Forbis 1996, 10]

Таким образом, мы приходим к выводу, что надписи нельзя трактовать определённо, поскольку их сложно втиснуть в строгие рамки эпиграфической дисциплины. Для изучения и исследования надписей можно объединить их по группам, будь то функция надписи, её содержание или материал, на котором она высечена, но эти группы условны, и при проведении исследования необходимо держать в голове один весомый факт – надпись должна пролить свет на жизнь человека, который её заслужил. Как мы уже отмечали, надписи не всегда учитывают мотивов того, кто посвящает ту или иную надпись себе или другому человеку. Об этих мотивах мы должны догадаться сами по мере изучения текста надписи вкупе с её физической составляющей, если она до нас дошла – даже материал может что-то рассказать нам и дать дополнительную информацию.

Латинская эпиграфика не является наукой о какой-либо одной стороне жизни древнего Рима, ибо в её поле зрения попадает весь античный мир, который охватывают надписи. Надпись не есть отражение жизни, это не литература. Это сама жизнь во всей своей подлинности, дошедшей до нас в виде источника.

Чтобы понять латинские надписи, недостаточно хорошо знать латинский язык. Для их понимания нужны специфические и весьма широкие знания в области истории и филологии. Именно эту задачу выполняет эпиграфика, которая представляет собой сумму историко-филологических знаний и выводов, необходимых для понимания надписей. Цель эпиграфики – собрать воедино необходимые знания и тем самым сделать надпись доступной для её дальнейшего использования в качестве источника по римскому миру. Эпиграфика фактически стоит между надписью и историками и филологами, помогая им овладеть материалом. Одновременно надписи составляют предмет более широкой науки – источниковедения. Источниковедение, филология,

история и эпиграфика так тесно соприкасаются друг с другом, что на определённом этапе сливаются воедино, а для исследователя это отсутствие границы самое трудное, поскольку при изучении надписей придётся выступать и источниковедом, и историком, и филологом одновременно. И первое, в чём необходимо разобраться при изучении надписей, в частности, почётных, – это их историческое развитие и переход к той форме, в которой мы их изучаем.

1.2 Развитие почётных надписей из элогий

Между эпитафиями и почётными надписями можно выделить определённый подкласс почётных надписей – элогии (*elogium*). Однако не все авторы придерживаются того, что элогии можно выделить в отдельный подкласс, поскольку именно из них развились почётные надписи. Так, например, Дж. Ч. Эгберт в своей работе, посвящённой изучению латинских надписей, отождествляет элогии с почётными надписями [Egbert 1896, 243].

Той же точки зрения придерживается Р. Канья, когда пишет, что «когда выдающийся человек строил общественный памятник, на нём были расположены изображения его предков с почётными надписями в память о них (элогия)» [Cagnat 1898, 231].

Некоторые исследователи считают элогией почётную надпись. Об этом говорит Генриетта ван дер Блом, в качестве примера приводя статую Мария с форума Августа (CIL VI 41024) [Van der Blom 2010, 338].

Однако, отечественный филолог-классик Е.В. Фёдорова в своей классификации надписей склоняется к тому, что почётные надписи – это древнейшие элогии с довольно кратким перечнем заслуг. Она уже предпринимает попытку отделить элогии от почётных надписей, поскольку пишет, что они «представляет собой нечто среднее между надписью почётной и надгробной» [Фёдорова 1969, 125].

На самом деле, этимология слова «элогия» не вполне прозрачна: с одной стороны, оно, скорее всего, происходит от латинского *eligere* (выбирать), поэтому может обозначать «выборку» или даже «выписку»²⁰; с другой стороны, можно провести параллель со словом *eloquium* (речь, язык, изречение). Латинский же аналог восходит к греческому *ἔλεγξιον* с парэтимологическим сближением с *eloquium* (речь, язык, изречение) или *λόγος* (слово, речь).²¹ Катон Старший применяет его к греческим эпиграммам в честь Леонида²², а Светоний – в дарственной надписи²³ [Sandys 1919, 93]. Часто такие элогии происходили из эпитафий в фамильных могилах, а титулы приписывались к изображениям предков, которые ставились римских атриумах.

Отсылка к понятию «эпитафия» появляется у Цицерона, который утверждает, что сатурнийский стих по случаю смерти римского политического деятеля и военачальника Авла Атилия Калатина (295-241 гг. до н. э.) – это хвалебная надпись, написанная на его гробнице. Или об эпитафии Солона (De sen. 73): «*Solonis quidem sapientis elogium est, quo...*» – «А мудрый Солон сочинил элогию, где он...»²⁴ Также смысл, который мы сейчас отождествляем с эпитафией, появился у Светония, который в биографии Клавдия (1, 5) назвал этим словом стихотворную надпись, сочинённую Августом для могилы Друза.²⁵

Форум и Капитолий под конец Республики изобиловали портретами, статуями людей и соответствующими им титулами. И когда Август во II в. до н.э. посвятил храм Марсу-Мстителю, открыв перед храмом великолепный форум, он сразу же использовал его для того, чтобы почтить память главных персонажей истории Рима, поместив туда бронзовые статуи в одеждах

²⁰ Corpus Gloss. EL 18: Elogia: laudes electae summatimque collectae, ut puta si quis in basi statuae alicuius laudes scribat aut in titulo imaginis, т.е. элогия подразумевает выражение похвалы в довольно сдержанном и выборочном стиле, которую пишут на основании статуи или в надписи изваяния.

²¹ Ernout A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots // A.Ernout, A.Meillet, 1985. P. 194.

²² Aulus Gellius, III 7, 19, 'propter eius virtutes omnis Graecia...decoravere monuments, signs, statues; religious, histories aliisque rebus gratissimum id ejus factum habuere'.

²³ C. Suet. Tranquillus, Caligula, 24.

²⁴ Cic. De sen. XVII, 61; XX 73.

²⁵ Suet. De vita Caes. V, 1.

триумфаторов²⁶ с памятными надписями либо на постаменте у статуи, либо на специальной табличке в пьедестале. Именно для этих надписей стали использовать собирательный образ древнейших почётных надписей – элогии.

Если обратиться к словарю Льюиса Шорта, можно найти следующие значения для термина *elogium*: 1) краткое высказывание, предложение; 2) краткое изречение; 3) надпись на надгробии; 4) пункт в завещании; 5) судебное заявление, протокол, выписка по уголовным делам [16, 689]. Первые три пункта полностью относятся к предмету нашего изучения, и, как можем судить по мнения различных авторов, первые элогии были довольно краткими, поэтому выделяется значение «краткого высказывания». Оставшиеся два значения появились достаточно поздно. В другом словаре классических древностей под *elogium* понимается «надпись на надгробиях, дверях, изображениях предков, votивных табличках» [Реск 1898, 588]. Также там говорится о том, что многие из элогий (ἐλεγεῖα) сохранились с пьедесталов статуй, которыми Август украсил колоннады храма Марса-Мстителя и из герм (скульптур, представляющих собой четырёхгранную колонну с изображением головы или бюста) в библиотеках.

Самая ранняя форма элогии – это *titulus* (титул), прикрепленный к *imagines maiorum* (изображения предков). Элогии обычно включают имя человека, которого хотят увековечить, в именительном падеже, а затем следуют занимаемые им должности и его успехи на общественном поприще. Таким образом, они соответствовало шаблону, используемому в самых ранних эпитафиях. Например, надгробная надпись Луцию Корнелию Сципиону, консулу 259 г. до н.э., гласит: «*L. Cornelio. L. f. Scipio aediles consul cesor...*» (CIL VI 1287 = ILS 3:). В переводе на русский она будет звучать следующим образом: «*Луций Корнелий Сципион, сын Луция, эдил, консул, цензор...*». В надписи употребляется имя Сципиона в именительном падеже, его родственная связь и далее следует перечисление его должностей. То же самое

²⁶ Suet., Aug., 31; cfr. Horat., od., IV, 8,13.

можно увидеть ещё в одной довольно известной почётной надписи, посвящённой Марку Клавдию Марцеллу (155 г. до н.э.): «*M. Claudius M. f(ilius) Marcellus consul iterum*» (CIL XI 1339). В этом случае схема с именем и должностями всё та же: «*Марк Клавдий Марцелл, сын Марка, консул во второй раз*». С конца пятого века Рима (или 254 г. до н.э.) появляется эпитафия, прославляющая заслуги и успехи умершего человека. Сначала для этих целей используются сатурнийские стихи, а позже гекзаметры и элегические дистихи [Sandys 1919, 93].

Обычай устанавливать статуи в честь высокопоставленных людей был греческого происхождения, и в некоторых ранних латинских надписях на пьедесталах статуй сохраняется традиция греков ставить имя в винительном падеже и опускать глагол, например. Одна из старейших надписей (193 г. до н.э.) этого класса берёт начало с греческой земли: «*Italicei L. Cornelium Scipionem (i.e. Asiagenum) honoris causa*» (CIL X 7459) – «*Италики Луция Корнелия Сципиона (Азиатского), (поставили) ради почёта*». Но имя могло ставиться не только в винительном падеже, но позже и в дательном. К первому веку до н.э. греческие надписи следовали уже латинской традиции, поэтому синтаксис был схож, однако имя почитаемого человека ставилось в дательном падеже. Так, например, произошло в случае с двуязычной надписью Саллювию Назону от двух фригийских народов (73 г. до н.э.): «*C. Salluvio C. f. Nasoni; Γαίωι Σαλλυίωι Γαίου ύίωι Νάσωνι*» (ILLRP 372). В данной надписи уже всё знакомо, однако видим, что имя Саллювия стоит в дательном падеже, а греческая надпись повторяет текст на латинском. Латинский дательный падеж стал обычным в греческой эпиграфике, особенно в посвящениях императору, где его почести были сродни божественным [Erskine 2012, 29].

Необходимо подчеркнуть, что Плиний Старший писал про статуи на Римском форуме. Поскольку большая часть статуй устанавливалась именно там, общественные места, должно быть, становились ими переполненными. Это изобилие было вызвано тем фактом, что в ранние времена *imagines maiorum* из атриумов частных домов оказались на открытых пространствах и

общественных зданиях внешнего мира. Первым, кто украсил общественное здание «круглым щитом» (*clipeus virtutis*) или портретным медальоном (включая почётные титулы или *tituli honorum*) своих предков, был государственный деятель, цензор и дважды консул Аппий Клавдий Цек (350(43)-280 гг. до н. э.) при освящении храма Беллоны, который он поклялся построить ещё во время своего второго консульства в 296 году до н. э.²⁷

На самом деле, термин «элогия» может быть отнесён к самой ранней из дошедших до нас общественных надписей почётного типа, написанных прозой, а именно к надписи на ростральной колонне в честь Гая Дуилия, консула 260 г. до н.э., победителя при Милах. Она сохранилась только в копии, обнаруженной на форуме в 1565 году, и в своём нынешнем состоянии она приписывается ранней имперской эпохе и, в частности, временам Августа или Клавдия. Колонна с её почётной надписью была увенчана портретом-статуей победителя. В пространной надписи, в прозе перечисляются все заслуги Дуилия: «освободил сегестанцев», «штурмом захватил Манилу», «разбил в открытом море карфагенский флот, а также все самые могущественные войска карфагенян в присутствии Ганнибала» и др. (CIL I² 25).

Так в чём же разница между почётной надписью и элогией, которая, по своей сути, выражает почеть выдающемуся человеку? Термин «элогия» специально применяется учёными определённого рода хвалебным надписям, которые не являются ни надгробными, ни почётными, но имеют литературный и исторический характер. Наиболее важными из этих элогий были те, которые посвящены знаменитым полководцам и установлены в храме Марса-Мстителя на форуме Августа (например, CIL XXI 1827; CIL XI 1828; CIL XI 1832). Именно на них ссылаются Светоний²⁸ и Гораций²⁹. Все они представляют огромную историческую ценность для изучения истории, культурологии и эпиграфики в целом.

²⁷ Plin. NH XXXV, 12

²⁸ Suet. Aug. 29, 1-2: Σθετ. Αθγ.

²⁹ Horat. Carm. IV, 8, 13-15: *incisa notis marmora publicis // per quae spiritus et vita redit bonis post mortem ducibus.*

До сих пор в обзоре элогий рассматривались надписи, где имена стояли в именительном падеже, и, как уже было сказано, изредка в винительном падеже (по греческому образцу), но в дальнейшем, с развитием жанра элогии и увеличением склонности к установлению статуй и памятников с сопровождающими надписями формируется и сама категория почётных надписей. Теперь для почётных надписей характерным падежом станет дательный, который указывает на дар или посвящение почитаемому человеку. Одной из самых ранних и известных надписей такого типа является надпись на гробнице Бибула: «*C(aio) Poplicio L(uci) f(ilio) Bibulo, aed(ili) pl(ebis), honoris / virtutisque causa...*» (CIL I² 834 = ILS 862) – «*Гаю Попликию Луцию, сыну Бибула, народному эдилу, ради почёта и чести*».

Начиная с эпохи диктатуры Суллы (80 г. до н.э.), довольно часто встречается дательный падеж в почётных надписях. Его, например, можно заметить в четырёх надписях в честь самого Суллы, все они начинаются со слов: «*L. Cornelio. L. f. Sullae felici*» (например, CIL VI 1297) и с титулом *dictatori* или без него, т.е. с должностью, которую он занимал в 79 г. до н.э.

Во времена империи императоры и члены императорского дома часто удостоивались чести получить статую. Такая же честь была оказана частным лицам с согласия императора. «*Auctore imperatore M. Aurelio Antonino*» или «*По предложению императора М. Аврелия Антонина*» – это фраза в нескольких почётных надписях на статуях форума Траяна (например, CIL VI 1377 = ILS 1098). Почётные статуи также устанавливались в частных римских домах и в провинциях.

К периоду империи может быть отнесена надпись в память Гая Мария: «*C(aio) Mario C(ai) f(ilio) / co(n)s(uli) VII pr(aetori) trib(uno) pl(ebis) / q(uaestori) aug(uri) tr(ibunus) mil(itum)*» (CIL X 5782) – «*Гаю Марию, сыну Гая, семикратному консулу, претору, плебейскому трибуну, квестору, авгуру, военному трибуну*». Эта надпись по своему синтаксису и по употребляемым должностям и доблестям стоит в одном ряду с более древними надписями

времен форуму Августа. Однако отличие в том, что имя теперь стоит в дательном падеже, что говорит о большей степени почёта для того времени.

Пьедесталы определённого количества статуй, установленных Фабием Тицианом, префектом Рима в 350 г. н.э., и другим префектом, были найдены на форуме. Самой древней формулой, указывающей на возведение почётной статуи от лица общности, была формула *publice* или *publice statuta*. Позже появляются формулы, определяющие государственный орган, присуждающий какую-либо почесть, *civitas* (город), *respublica* (государство), *colonia* (колония), *municipium* (муниципий или вольный город), *pagus* (община) или всё то же самое, только во множественном числе. Сюда также относится известное *senatus populusque* или его сокращённая форма S.P.Q. В большинстве почётных надписей можно обнаружить ещё такие формулы, как: *ex senatus consulto* (E.X.S.C.) – по постановлению сената, *loco dato decreto decurionum* (L.D.D.D.) – на месте, данном по декрету декурионов (часто ставится в конце). Такие глаголы, как *fecit* (сделал) или *fecerunt* (сделали) часто стоят вместе с *curaverunt* (позаботились) или *censuerunt* (решили), т.е. имеют вид *faciundum curaverunt* или *censuerunt* (F.C) – позаботились или решили сделать. *Posuit* (поставил) и *posuerunt* (поставили) часто имеют вид *ponendum curavit* (P.C.) – позаботился поставить. Могут также встречаться глаголы *dedit* *dedicavit* (D.D.) – дал и посвятил, и большое количество других.

Выражением почёта в надписи служит приписка *honoris causa* (H.C.) – ради почёта. Но само слово *honor* стало появляться в почётных надписях в Цизальпинской Галлии, провинции, с которой было найдено множество кельтских надписей [Sandys 1919, 109]. Примерно в II-III вв. н.э. появляется множество надписей, начинающихся со слов *Genio et Honori* – Его гению и чести. Изначально надписи начинались только словом *honori* (например, CIL XII 3165 = ILS 5680), но позже стали приписывать и *genio* (например, CIL V 7468 = ILS 6745). Подобных надписей было найдено в районе нескольких десятков. Уже в третьем веке и далее слово *honori* иногда указывается отдельной

строкой в начале надписи, после которой следует имя почитаемого человека в дательном падеже.

Когда надпись помещается на пьедестал статуи, сама статуя практически никогда не упоминается прямо, но в более поздние века это явление становится более частотным. Также указываются различные виды статуй, будь то мраморные, бронзовые или позолоченные, или *statua togata* (статуя человека в тоге) или *loricata* (статуя человека в доспехах), или *pedestris* (пешая статуя), или *equestris* (статуя всадника). Марк Бассей Руф, префект претория при Марке Аврелии, был удостоен трёх различных видов статуй: *aurata* (позолоченная), *civili amictu* (в гражданском одеянии) и *loricata* (в доспехах). Очень редко упоминание статуи сопровождается указательным местоимением, однако такое всё же встречается. Пример подобного указания можно заметить в отрывке надписи 608 г. н.э. на пьедестале колонны Фоки, которую ему посвятил византийский государственный деятель Смарагд: «*hanc sta(tuam maiesta)tis eius / auri splend(ore fulge)ntem huic / sublimi colu(m)na(e ad) perennem / ipsius gloriam imposuit ac dedicavit..*» (CIL VI, 01200) – «эту статую Его Величества, мерцающую от блеска золота, воздвиг на эту высокую колонну ради вечной его славы и посвятил...». Указание на статую подчёркнуто указательным местоимением *hanc* [Sandys 1919, 109].

В то же время, дополнение в виде статуи часто отклонялось человеком, которого собирались чествовать. Такие случаи были настолько распространены, что отказ нередко выражался в различных сокращённых формах, как, например, *honore accepto impensam remisit* (H.A.I.R.) – *приняв почёт, понесёт расходы*, т.е. честь принимается со стороны почитаемого человека, который несёт расходы. Или *honore contentus sua pecunia posuit* (H.C.S.P.P.) – *удовольствовавшись почётом, поставил на свои деньги*.

В дальнейшем, в почётных надписях появлялось всё больше и больше формул, самыми главными из которых являлись занимаемые почитаемым человеком должности (они будут рассмотрены в следующем параграфе).

Таким образом, если изначально элогия была краткой, и, как правило, содержала в себе лишь имя почитаемого человека, стоящее в именительном и изредка в винительном, под влиянием греческой традиции, падеже, то по мере своего развития, элогии развились в огромный подкласс почётных надписей, которые перестали быть краткими и могли содержать в себе описание прижизненных успехов человека. Почётные надписи теперь уже не занимали лишь основание статуи, как это могло быть с элогиями, они могли занимать огромное пространство на колоннах, столбах, дощечках. Имя почитаемого человека больше не стояло в именительном падеже, а употреблялось в дательном, и часто было обрамлено устоявшимися латинскими формулами, содержащими в себе указание на то, что данная надпись является честью (например, *ob honorem, honori causa, dedicavit* и т.д.).

Современные исследователи придерживаются такого мнения, при котором элогиями выступают самые ранние найденные нами почётные надписи, они представляют определённую историческую ценность и помогают нам анализировать и классифицировать надписи на их основе, выявляя определённые закономерности или прослеживая характер изменений в политике чествования. Дальнейшие же надписи принято называть почётными. Именно из почётных надписей мы получаем большую часть наших знаний об административных, военных и религиозных функциях римского гражданина.

1.3 Структура почётной надписи

По своей структуре почётные надписи состоят из следующих частей:

I. Имя почитаемого человека в дательном падеже;

Имена императоров обычно сопровождаются традиционными титулами, в то время как имена других людей могут быть представлены в простой форме или сопровождаться их *cursus honorum* (путь чести) или даже функциями, которые человек выполнял при жизни. Но если этот человек не имеет каких-либо заслуг

перед государством, то его личное имя, родовое имя и прозвище должны быть указаны в первой строке вместе с его происхождением и упоминанием самого рода (часто указывает, что человек является сыном такого-то человека). В некоторых случаях имя может употребляться в родительном падеже, а перед именем стоит формула *honorī* или *in honorem*, т.е. *в честь*.

II. Имя человека или, как в большинстве случаев, сообщества, от имени которого устанавливается надпись и какой-либо памятник.

Обычно этот пункт соблюдается, но в некоторых случаях имя посвящающего или название сообщества может быть отделено от имени почитаемого определёнными шаблонными фразами.

III. Различные фразы или формулы, объясняющие присвоение чести человеку или относящиеся к обстоятельствам установки данного памятника.

Некоторые из этих формул были рассмотрены в параграфе выше, однако их гораздо больше. Е.В. Фёдорова выделила огромный перечень формул и их сокращений.³⁰ Но сюда также можно отнести прилагательные и формулы, указывающие на ценность или достоинство удостоенного чести лица: *amantissimo patriae* (чрезвычайно любящему родину), *abstinentissimo iustissimo disertissimo* (бескорыстнейшему, справедливейшему и красноречивейшему), *optimo ac dignissimo* (лучшему и достойнейшему).

Фразы, указывающие на причины, по которым человек удостоился чести: *ob amorem et instantiam erga patriam civesque* (за любовь к родине и рвание о ней), *ob merita eius* (за его заслуги), *ob eximiam benignamque erga omnes cives suos adfectionem* (за исключительно благожелательное отношение ко всем своим гражданам) и др.

Фразы, описывающие посвящающего: *dicatissimus numini maiestatique eorum (imperatorum)* ((посвятил) преданнейший их божеству и величию (императоров)), *memor liberalitalis et honorificentiae eius* – помнящий о его щедрости и почтительности.

³⁰ Фёдорова Е.В. Латинская эпиграфика. Издательство МГУ, 1969. Стр. 323 и далее.

Существует также перечень формул, которые относятся к обстоятельству возведения того или иного памятника и сопутствующей надписи: *loco dato decreto decurionum* (L.D.D.D) – на месте, данном по декрету декурионов, *pecunia sua* (P.S.) – на свои деньги, *pecunia publica* (P.P.) – на деньги общности, *permissu proconsulis* (P.P.) – по разрешению проконсула, и многие другие.

IV. Последний элемент – это глагольная группа, которая либо выражена в тексте надписи, либо подразумевается: *statuam censuit ponendam* (решил поставить статую), *erigi conlocarique iusserunt* (приказал построить и разметить), *posuit idemque dedicavit* (поставил, а также посвятил) [Egbert 1896, 246-247].

Примерно таков состав любой почётной надписи. Однако, стоит более подробно рассмотреть упомянутый в первом пункте *cursus honorum*. Почести, или «государственные должности», занимаемые римлянами, упоминаются в надгробных, посвятительных и почётных надписях. Они могут быть приписаны к имени человека в эпитафии, в его посвящении любому божееству, но гораздо чаще они встречаются в почётных надписях, которые носят название *tituli honorarii*. Порядок, в котором занимались государственные должности, средний возраст для их достижения и промежутки времени между ними определялись законом *Lex Villia Annalis* от 180 г. до н.э. После десяти лет военной службы (с 17 до 27) римлянин мог занимать должность квестора, курульного эдила, претор и консула. Попасть на должность консула можно было, только преодолев все эти ступени. Существовал также интервал в два года между пребыванием на одной должности и на следующей [Sandys 1919, 110].

В традиционном *cursus honorum* для сенаторского сословия римлянин мог получить следующие титулы: *viginti-vir* (вигинтивир, или один из двадцати чиновников), *quaestor* (квестор), *tribunis plebis* (народный трибун), *aedilis curulis* или *aedilis plebis* (курульный эдил или народный эдил), *praetor* (претор), *consul* (консул), *ensor* (цензор), *dictator* (диктатор). Занимая

военную или гражданскую должность, этот римлянин так же мог стать военным трибуном, легатом легиона, легатом проконсула или пропретором. Ещё он мог занять какую-либо из следующих должностей: *curator riparum et alvei Tiberis* (куратор берега и русла реки Тибр), *curator cloacarum urbis* (куратор сточного канала города), *curator aquarum или viarum* (куратор воды или дорог), *curator operum publicarum* (куратор общественных зданий); *praefectus aerarii militaris* или *aerarii Saturni* (префект военного эрария или эрария Сатурна), *praefectus praetorio* (префект претория), *praefectus urbis Romae* (префект города Рима); *praeses provinciae* (презид провинции); *proconsul* (проконсул).

Среди религиозных должностей, занимаемых сенаторским сословием, были: *augur* (авгур), *flamen* (фламин), *frater arvalis* (арвальский брат), *lupercus* (жрец Луперка), *pontifex* (понтифик), *quindecimvir sacris faciundis* (квиндецемвиир священнодействий) и многие других.

Что касается сословия всадников в Риме, то вплоть до времён Диоклетиана (284-305 гг. н.э.), всадники могли последовательно носить следующие титулы: *praefectus fabrum* (префект инженеров?)³¹, *tribunus* (трибун), *praefectus cohortis* (префект когорты), *tribunus militum* (трибун воинов), *tribunus legionis* (трибун легиона), *praefectus equitum* (префект всадников) – на начальной ступени службы. Далее они могли получать звание: *procurator provinciae* (прокуратор провинции), *praefectus consularis* (консульский префект), *praefectus classis* (префект флота), *praefectus praetorio* (префект претора), *praefectus Aegypti* (префект Египта). В качестве носителей религиозной должности, они также могли стать *tubicen* (трубач) и *sacerdos* (жрец) [Sandys 1919, 111].

При Республике почётные надписи с именами в дательном падеже сопровождалась только упоминанием государственных должностей,

³¹ Функция этой должности не вполне понятна и вызывает споры. Более подробно в недоступной нам: Rosso F. La praefectura fabrum fra legami personali e azione politica (II sec. a.C. – III sec. d.C.). (Historia Einzelschriften 262.) Pp. 613.

занимаемых в то время, когда была присуждена данная почесть. Более развёрнутые и сложные формы вошли в обиход в эпоху Августа. Одной из самых ранних дошедших до нас надписей, в которой все занимаемые должности упоминаются в порядке их получения (в хронологическом), является надпись Августа в честь Луция Аквила Флора (CIL III 551).

Должности могли быть указаны либо (как в случае с надписью Луция Аквила Флора) в прямом порядке, либо в обратном порядке. Прямой порядок подразумевает, что должности названы в порядке их получения; обратный порядок подразумевает, что они начинаются с самого высокого и заканчиваются самым низким званием.

Ввиду вышеизложенного, стоит подытожить, что, как и в случае с выделением почётных надписей в качестве отдельного типа, так и в случае с их историческим развитием и многообразием форм, нет чёткого определения о том, что такое почётная надпись, и какой вид она имеет. Мы можем только выделить общие закономерности во всём многообразии дошедших до нас надписей, но никак не можем подвести их к строгому образцу. Единственное, о чём нам может говорить почётная надпись на первый взгляд – это: а) имя в дательном падеже; б) перечисление заслуг человека, которому посвящают надпись, его *cursus honorum*, т.е. перечень должностей, которые он занимал при жизни, или функций, которые он выполнял на общественном поприще (но это не всегда так, поскольку первые почётные надписи (или, как мы уже выяснили, элоги) устанавливались в частных домах, а уже оттуда они перешли во внешний мир и, в частности, на форум; в) имя человека или сообщества людей, которые посвятили данную надпись (однако, надпись может быть установлена и просто от лица общности, без указания имён или принадлежности к той или иной группе); различные шаблонные фразы, кратко излагающие, почему человек удостоился чести получить статую или любой другой памятник с сопутствующей почётной надписью; и набор формул, которые свидетельствуют о том, в связи с какими событиями, на какие средства и по решению кого была установлена соответствующая надпись.

В той или иной надписи вполне может не хватать какого-либо пункта (кроме, конечно же, имени), поэтому даже эта структура не говорит нам о том, что перед нами именно почётная надпись.

Таким образом, исследовать почётные надписи довольно проблематично. Во-первых, мы едва ли можем выделить их в отдельный класс, поскольку они пересекаются или даже плавно перетекают в посвятительные и надгробные надписи. По своему источнику и материалу, они могут быть как общественными, так и частными, как на мемориальном столбе в честь выдающегося человека, так и в атриуме по случаю смерти члена семьи. Во-вторых, многие исследователи не отделяют почётные надписи от элогий, рассуждая о том, что это одно и то же, хотя первые развились из последних с течением времени; при этом мы до сих пор не можем с точностью утверждать, что элогии и почётные надписи – это разные вещи. В-третьих, структура почётных надписей очень отличается как по временным периодам, так и по назначению этих самых надписей, по социальному классу того или иного человека, которому посвящается надпись, и по многим другим признакам.

Исследуя текст и язык почётных надписей в следующей главе, мы попытаемся выяснить, с какими проблемами при переводе надписей может столкнуться филолог-классик, историк, археолог, антиковед или культуролог, и что вообще может входить в класс почётных надписей, которые очень сильно отличаются по своему языку, манере письма, эмоциям, с которыми устанавливалась статуя или памятник с надписью. Мы также постараемся выявить закономерности в текстах надписей, чтобы предложить свою структуру составляющих почётной надписи.

2 Изучение почётных надписей времён Римской империи

2.1 Почётные надписи мужчинам

Со времён Республики сохранилось относительно мало надписей; подавляющее большинство относится к периоду Империи, которая начинается с правления первого императора Августа (27-14 гг. до н.э.) до III в. н.э. Количество надписей, созданных в позднеимперский период (IV-VI вв. н.э.), значительно меньше, но все же гораздо больше, чем в последующий период раннего средневековья (так называемый Тёмный век). Невозможно точно оценить количество сохранившихся римских надписей, хотя они должны исчисляться сотнями тысяч, но благодаря археологии и случайным находкам мы постоянно выявляем новые надписи.

В данном параграфе мы исследовали десять надписей из разных регионов, которые отличаются друг от друга и в хронологическом аспекте. Выборка надписей производилась исключительно по разнообразию их структур, мы старались взять максимально непохожие друг на друга надписи, из разных регионов и из разных временных промежутков, чтобы увидеть их отличия или, наоборот, закономерности в политике чествования человека, а заодно и определить проблемы перевода и последующего изучения надписей.

Первая почётная надпись, которую мы будем рассматривать, датируется 98-117 гг. н.э. и относится к региону *Ariminum* (Ариминум) на побережье Адриатического моря (ныне Римини):

L(ucio) Betutio L(uci) f(ilio) / Pal(atina) Furiano / p(rimo) p(ilo) leg(ionis) I Ital(iae) P(viro) / quinq(uennali) P(vir(o) i(ure) d(icundo) P(vir(o) / aedili cur(uli) pontif(ici) / flamini divi Nervae / patrono colon(iae) / colleg(ium) centonarior(um) / amantissimo patriae / l(ocus) d(atu)s d(ecreto) d(ecurionum) (CIL XI 385)

Луцию Бетуцию Фуриану, сыну Луция, из Палатинской трибы, примипилу I-го Итальянского легиона, квинквенналу, дуовиру, триумвиру, ответственному за отправление правосудия, триумвиру, куриальному эдилу,

понтифику, фламину божественного Нервы, покровителю колонии, особенно любящему родину. Коллегия центонариев (посвятила эту статую). На месте, данном по указу декурионов

Луций Бетуций Фуриан был членом сословия магистров.³² Бетуций Фуриан также был фламином императора Нервы, и, хотя он был не из Ариминума, он являлся важной персоной в колонии, судя по надписи. В Ариминуме есть ещё две другие надписи в честь Фуриана.³³ Как видим из рассматриваемой надписи, он служил в Италийском легионе. После окончания военной службы он отправился в Ариминум и получил «почётное» гражданством от колонии. По этой причине он стал покровителем колонии и занимался благотворительностью в сторону граждан Ариминума и коллегии центонариев, где его почитали.

Cursus honorum Бетуция Фуриана показывает нам, какой путь он прошёл, закончив самым высоким статусом покровителя колонии, хотя изначально он являлся примипилом. Формула *amantissimo patriae* даёт понять, за что Бетуций Фуриан заслужил статую с почётной надписью. И пусть он не был коренным жителем Ариминума, эту колонию принимают за его *patria*.

Следующая надпись примечательна тем, что она начинается с именительного падежа, что нехарактерно для почётных надписей, но всё же допускается в них. Обычно это делается для того, чтобы выделить почитаемого человека на фоне множества других статуй и надписей, которые устанавливаются ради почёта. Но в этом случае мы можем сказать, что надпись не столько почётная, хотя в ней содержатся перечисления должностей, сколько дарственная. Она датируется 101-200 гг. н.э. Происходит из этрусского города *Falerii* (Фалерии). Мраморная табличка с надписью свидетельствует о ремонте городского портика Гаем Юлием Севером из Горациевой трибы.

³² Donati A. *Aemilia tributim discripta*. I documenti delle assegnazioni tribali romane nella regione romagnola e cispadana. Faenza. 1967, Pp. 27-28.

³³ CIL XI 386 = ILS 6660 и CIL XI 387.

C(aius) Iulius C(ai) f(ilius) Hor(atia) Severus / sacerd(os) Isid(is) et Matr(is) deum / quaest(or) alim(entorum) Caes(aris) quaes(tor) r(ei) p(ublicae) cur(ator) iuv(enum) / IIIvir aed(ilis) IIIvir i(ure) d(icundo) IIIvir quinq(uennalis) / hic ob honorem aedilitat(is) hanc / [po]rticum vetustate dilapsam / [refecit] in quam i<m=N>pend(it) mensuris / [3] HS XXVIII(milia)CCC n(ummum) d(onum) d(edit))
(CIL XI 3123 = ILS 6587)

Гай Юлий Север, сын Гая, из Горацевой трибы, жрец Исиды и матери богов, квестор императорской алиментации, квестор государства, кваттуорвир по строительным работам, кваттуорвир по отправлению правосудия и кваттуорвир-квинквеннал. На этом месте, в честь эдилитета, он восстановил данный портик, разрушенный в силу возраста, на что он потратил 29 300 сестерциев и преподнёс его в дар

Как можно судить из надписи, Гай Юлий Север был достаточно видной фигурой в Фалериях, поскольку его *cursus honorum* довольно объёмный для обычного гражданина и жреца. Стоит отметить, что жреческие функции почитаемого человека также включались в текст надписей. Египетский культ матери богов Исиды, которая также являлась богиней земли и плодородия, пришёл в Рим в начале 1 в. до н. э. С культом Исиды было связано поклонение Серапису, главному среди египетских божеств. Храм Исиды и Сераписа был воздвигнут на Марсовом поле, а храм Сераписа – между ним и форумом Траяна.³⁴ Стоит отметить, что Гай Юлий Север достиг второй ступени на лестнице должностей и по случаю этого знаменательного события, он, скорее всего, восстановил портик, о котором говорится в надписи.

Большой популярностью в период империи пользовались почётные надписи, начинающиеся с формулы *Genio / et honori*. Одна из немногих надписей, сохранившихся в регионе Лигурия, проливает свет на

³⁴ Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. Издание Общества классической филологии и педагогики. СПб, 1885. С. 1162.; У римлян прослеживалась тенденция замены Сераписа, супруга Исиды, на Осириса, который для египтян был владыкой подземного мира, умершим фараоном.

покровительство очередного государственного деятеля с нужной нам припиской *Genio / et honori* в самом начале. Она датируется 101-200 гг. н.э.:

Genio et Honori / L(uci) Pompei L(uci) f(ili) Pol(lia tribu) Heren/niani, eq(uiti) Rom(ani) eq(uo) pub(lico), / q(uaestoris) aer(ari) p(ublici) et alim(entorum), aedil(is), / II viro (!) curator(i) (!) / kalendarior(um) rei p(ublicae), / collegium pasto/phorum Indus/triensium patro/no, ob merita. / T(itus) Grae(---) Trophimus Ind(ustriensis) fac(iendum curavit) (CIL V 7468 = ILS 6745)

Гению и чести Луция Помпея Геренниана, сына Луция, из поллиевой трибы, римского всадника, чей конь принадлежит государству, квестора государственной казны и алиментации, эдила, дуумвира, куратора, ответственного за ведение долговой книги государства. Коллегия пастофоров (жрецов) Индустрии (своему) патрону, за заслуги. Тит Гре(---) Трофим из города Индустрия позаботился поставить (статую).

Обращает на себя внимание, что в середине надписи генетивы, зависящие от *genio et honori*, неожиданно переходят в дативы. Посвящение, должно быть, носит частный характер, поскольку Тит Трофим установил статую своему покровителю. Тем не менее, надпись подводит итог карьере (*cursus honorum*) Геренниана. По его титулам ясно, что его карьера носила лишь местный характер: был квестором государственной казны и отвечал за продовольственное снабжение (алиментацию) Индустрии, а эти титулы обычно предоставлялись местным магистратам.³⁵ Кроме того, он был *curator kalendariorum rei publicae* (т.е. Луцию Помпею поручено вести бухгалтерские записи, за которые он несёт ответственность перед государством³⁶), а это должность назначалась центральным правительством города.

Более того, Помпей Геренниан был удостоен звания покровителя *collegium pastophorum*. Эта коллегия жрецов, как уже говорилось, была связана с египетскими богами. В «Золотом осле» Апулей кратко отмечает

³⁵ Curchin, L.A. The end of Local Magistrates in the Roman Empire. *Gerión*, vol. 32, 2012. Pp. 271-287.

³⁶ Malaise M. Les conditions de pénétration et de diffusion des cultes égyptiens en Italie. Brill Archive, Vol. 22. 1972. P. 82.

роль, которую играл пастофор.³⁷ В эпитафических свидетельствах Северной Италии эта надпись единственная, где упоминается покровитель подобной коллегии, обычно же покровители или просто отмеченные за какие-либо заслуги люди почитаются коллегиями кузнецов, центонариев, лесозаготовителей.³⁸ То, что Геренниан является частью такой коллегии, подчёркивает его важность в муниципии. Если верить Апулею, такие египетские культы, как культ Исиды, были исключительными, поскольку членство в них предоставлялось лишь избранным [Watson 2014, 141].

Касаемо структуры почётной надписи, здесь всё достаточно прозрачно. Полный *cursus honorum* и традиционное лаконичное *ob merita*, идеально описывающее строгую должность государственного служащего.

Тем не менее, не всегда *genio* употребляется с *et honori*: достаточно часто «гению» ставится без «чести», а если и хочется подчеркнуть, что надпись ставится по случаю чести или почёта такого-то человека, то в самом начале употребляют *ob honorem*. В надписи ниже мы видим схему без *et honori*:

Genio / decurionum / Ostiensium // Lucio Aelio / Aurelio Commodo / Imp(eratoris) Caes(aris) T(iti) Aeli / Hadriani Antonini / Aug(usti) Pii p(atris) p(atriciae) filio / L(ucius) Laelius Sp(uri) f(ilius) Herennianus scrib(a) cerar(ius) s(ua) p(ecunia) p(osuit) (AE 1948, 30)

Гению декурионов Остии, Луцию Аелию Аврелию Коммоду, сыну императора Цезаря Тита Аелия Адриана Антонина Августа Пия, отца отечества. Луций Лелий Геренниан, сын Спура, писца на восковых табличках, воздвиг за свой счёт

Данная надпись датируется 138-161 гг. н.э. и происходит из региона под названием *Ostia Antica* (Остия-Антика). Луций Вер носит здесь имя Цезаря, которое стало его собственным после того, как его усыновили Антонины. Посвящающий Лелий Геренниан является *scriba cerarius* (т.е. тем, кто пишет

³⁷ Apul. Met. 11, 16-19; 24-27; 28-30.

³⁸ D'Alonzo P. Patronage of Collectives: The Relations Between Patrons and Local Communities in Northern Italy. McMaster University, 2021. P. 101.

на восковых табличках, церах)³⁹, а эта должность часто упоминалась применительно к Остии.

Из этого же разрядка надписей того же временного периода есть более короткая надпись из Индустрии: *Genio M(arci) Cassii M(arcus) Satrius Vitulus h(onoris) c(ausa)* (CIL V 7142) – *Гению Марку Кассию, Марк Сатрий Витул, ради почёта*. Кроме имени чествуемого и того, кто поставил надпись, мы ничего не имеем: ни мотивы, побудившие установить надпись, ни какие-либо факты из жизни или родственные связи.

Следующая надпись датируется 113-117 гг. н.э. и происходит из города Мактар, который расположен в 140 километрах от Туниса:

Imp(eratori) Caesari divi Nervae / f(ilio) Nervae Traiano Aug(usto) Ger(manico) / Dacico pont(ifici) max(imo) trib(unicia) pot(estate) XVII / imp(eratori) VII co(n)s(uli) VI p(atri) p(atriciae) civitates LXIII / pagi Thuscae et Gunzuzi pec(unia) sua / fecerunt idemque dedicaveru(n)t curatore Victore Marti/ali praefecto earum e |(centurione) (AE 1963, 96)

Императору Цезарю, сыну Божественного Нервы, Нерве Траяну Августу, Германскому, Дакийскому, великому понтифику, наделённому властью народного трибуна 7 раз, императору 6 раз, консулу 6 раз, отцу отечества. 64 общины паг Thuscae et Gunzuzi сделали и посвятили (памятники Траяну). Куратором являлся Виктор, сын Марциала, их префект и бывший центурион

Отметим, что паг (*pagus*) был самой маленькой административной единицей в Риме. Шестьдесят четыре общины, которые упоминаются в надписи, были ограничены пагом (*pagi Thuscae et Gunzuzi*) и не имели настоящих магистратов, сената или курии, свойственных каждому поселению (*civitas sine iure civitatis* или, грубо говоря, общины без прав). Однако права общины определяются декретом, согласно которому она имеет право иметь курию с минимальным количеством декурионов (50), проводить собрания и

³⁹ Deutsches Archäologisches Institut. *Bullettino dell Istituto di corrispondenza archeologica per l'anno 1859*. Roma: Tipographia Tiberna. P.218.

иметь магистратов. Только покинув паг, общины обретают свободу и создают себе институты, соответствующие их новому статусу.⁴⁰

Посвящение Траяну выглядит достаточно обыденно, поскольку этот римский император носил определённые победные титулы, которые всегда следуют в одинаковом порядке – так начиналась любая почётная надпись Траяну. А вот после перечисления титулов, даже без указа на заслуги (ведь это был император), следовало указание на города и /или на куратора, которые посвятили императору почётную статую и надпись.

Чтобы увидеть различие между почётными надписями, посвящёнными Траяну, можно взять ещё одну, которая относится к 117 г. н.э. и происходит из района *Bir Magra* (Бир Магра) также в Тунисе:

[Im]p(eratori) Cae[s(ari)] / [di]vi Nerv[ae f(ilio)] / [di]vo Nerva[e] / [Traia]no Optimo Au[g(usto)] / [Ger]m(anico) Dacic(o) Par[th(ico)] / [pont(ifici)] max(imo) t[r(ibunicia) p(otestate) XXI] / [im]p(eratori) XIII co(n)s(uli) VI [p(atri) p(atriciae)] / [ex] decreto L(uci) Ros[ci] / [Aelia]ni Maeci Celer[is] / [pro]co(n)s(ulis) provincia[e Afr(icae)] / [stat(uam)] ex pretio pagani[s] / [inla]to(?) amplius a re pub(lica) / [civ]itas Thibicaensis fa[c(iendam) cur(avit)]
(AE 2016, 1888)

Императору Цезарю, сыну Божественного Нервы, божественному Нерве Траяну Наилучшему Августу, Германскому, Дакийскому, Парфийскому, великому понтифику, наделённому властью народного трибуна 21 раз, императору 13 раз, консулу 6 раз, отцу отечества. По указу проконсула африканской провинции Луция Росция Элиана Меция Целера при дополнительном финансировании со стороны сельских жителей из суммы, выделенной поселянам государством...⁴¹ Жители Тибики позаботилась о том, чтобы сделать (эту) статую

Как видим, надписи выше (AE 1963, 96) была установлена раньше, потому что цифры отличаются. Победные титулы Траяна не менялись и

⁴⁰ Aounallah S. Les libertés des cités de l’Afrique romaine. Cartagine. Studi e Ricerche, 5, 2020. P. 19.

⁴¹ Восстановление и интерпретация вызывает вопросы. Возможно, pagani – это датив.

ставились в определённом порядке. Здесь почтить память и славу Траяна взялся проконсул Луций Росций, а деньги на статую для императора, возможно, были взяты из общей казны, но этот момент нам не до конца понятен.

Император Траян умер в 117 г. н.э., и данная надпись вполне заслуженно относится к году его смерти. Дело в том, что дань уважения к умершему императору выражается через формулу *diui* (божественному). Некоторые исследователи считают, что уже составленный ранее текст был изменён благодаря введению *diuus*, часто возникающем в необычном месте текста, посреди перечисления титулов [Chastagnol 1984, 275-287].

Следующая почётная надпись, датируемая 138-150 г. н.э., происходит из города Аквилея в провинции венетов.

[T(ito)] Caese[r]nio Statio / Quincti[o] Macedoni / Quinctiano consuli / sod(ali) Aug[us]tali curatori / viae Appiae e[t] alimentorum / legato legio[ni]s X Gemin(ae) / Piae Fidelis co[m]i[ti] divi Hadria[ni] / per Orientem [et] Illyricum pra[et]ori / inter cives et p[ro]regrinos t[ri]buno / plebis candida[to] comiti per [Siciliam] / Africam Mau[re]taniam q[ua]estori / candidato t[ri]buno lati[clavio] / legionis tr[ic]e[n]sima[e] Ulpiae / [Vic]tricis t[ri]umvir[o] aere / [au]ro argen[to] flando [feriundo] / [pat]rono co[lo]niae [flamini] / d[ecur]ion[i] / [3] Servi[lius] 3 / amic[o] (CIL V 865 = ILS 1069)

Титу Цезарнию Стацию Квинкциану Македонскому, Квинкциану, консулу, Августалу, куратору Аппиевой дороги и алиментации, легату 10-го легиона Gemina Pia Fidelis, товарищу божественного Адриана по Востоку и Иллирии, претору между гражданами и иностранцами, кандидату от народного трибуна, товарищу по Сицилии, Африке и Мавритании, кандидату в квесторы, кандидату сенаторского трибуна 13-го легиона Ulpia Victrix, триумвире, отвечающему за чеканку имперских монет, покровителю колонии, фламину, декуриону, [---], Сервилий [---], (сделал этот памятник) своему другу

Тит Цезерний Стаций был сыном Тита Цезерния Стация Квинкциана Палатина Македонского, который был прокуратором и всадником из Аквилеи.⁴² Фигура Цезерния Стация достаточно важна для Аквилеи. Его эпитафия представляет собой типичный пример почётных посвящений, которые были учреждены коллегиями и муниципиями в северной Италии в этот период. Формат надписи имеет традиционную структуру: перечисление заслуг начинается с наиболее важных и высоких должностей карьерного пути чествуемого человека и заканчивается более низкими должностями и титулами. Следуя этому, карьера сенатора представляется понятной, поскольку восхождение к верхам представлено сначала достижением гражданских должностей в родной стране Цезерния Стация, Аквилее, а затем военными обязанностями в римских провинциях. Кульминацией его карьеры стала дружба с императором Адрианом; это, безусловно, привело к тому, что Цезерний продвинулся до должности консула.

Почётная надпись заканчивается последним титулом, покровителем колонии. Быть покровителем Аквилеи само по себе было честью, которую друг Цезерния, Сервий, счёл важным включить в список многочисленных должностей, которые получил Цезерний Стаций.

Далее рассмотрим надпись, которая относится к 151-200 гг. н.э. В 1765 году в городе под названием Ананьи, в 72 километрах к юго-востоку от Рима, были обнаружены два основания статуй. Первое основание чествовало вольноотпущенника по имени Марк Аврелий Сабиниан за его гражданские благодеяния и за его положение в городе, особенно за восстановление бань и за благотворительность. Второе же было посвящено женщине по имени Марция Аурелия Цейония Деметрия. Эта женщина была удостоена статуи по тому же поводу, и иногда её называют женой Марка Аврелия Сабиниана. Вторая надпись (CIL X 5918) будет рассмотрена в следующем параграфе, а сейчас обратимся к тексту мужской надписи:

⁴² Alföldy G. Konsulat und Senatorenstand unter den Antoninen: prosopograph. Unters. zur senator. Führungsschicht. Bonn: Habelt, 1977. Pp. 347-350.

Euhodi / M(arco) Aurel(io) Sabiniano / Augg(ustorum) lib(erto) patrono / civitatis Anagninor(um) / itemq(ue) collegi(i) caplato/rum decuriali decuriae / lictoriae popularis denuntiatorum / itemq(ue) gerulor(um) sed et decemviralis / s(enatus) p(opulus)q(ue) A(nagninus) erga amorem patriae / et civium quod thermas longa incuria / neglectas sua pecunia restituerit / statuam ex leg(at)is suis ponend(am) censuer(unt) / ob cuius dedic(ationem) dedit decur(ionibus) |(denarios) V sexv(iris) / |(denarios) II pop(ulo) |(denarium) I et epul(um) suffic(iens) (CIL X 5917 = ILS 1909)

(Статуя) Евхода. Марку Аврелию Сабиниану, вольноотпущеннику императора Августа, покровителю города Ананьи, а также коллегии по изготовлению масла, декуриалу декурии ликторов, вестников и носильщиков, но и (бывшему) децемвиру. За любовь к своему родному городу и его жителям, так как он восстановил на свои собственные деньги бани, которые долгое время были заброшены ввиду пренебрежения (к ним), сенат и народ Ананьи постановили, чтобы ему была установлена статуя, финансируемая его легатами. По случаю посвящения он дал пять динариев декурионам, два – севирам и один динарий каждому из народа, а также устроил пир, подходящий для всех

Надпись на основании статуи, посвящённая императорскому вольноотпущеннику, сохранила почти весь свой текст, за исключением нижнего правого конца, в котором есть несколько потерянных букв в последних четырёх строках. Сабиниан, который был местным жителем из декуриальной элиты, возможно, начал реставрацию бань за свой счёт (*sua pecunia*), а затем вместе со своей предполагаемой женой они восстановили (*restituerit*) и (*restauraverunt*) также за свой счёт бани до первоначального (*ad pristinam*) состояния. Было решено, что для благодетелей должны быть воздвигнуты статуи (одна из них была профинансирована легатами Сабиниана), и поскольку его «жена» Марция Аврелия также финансировала реставрацию, она тоже получила почётную статую. Их статуи, вероятно,

стояли вместе в римских термах, возможно, сопровождаемые мемориальной доской, подтверждающей их совместную роль.

Одной из проблем исследования надписей выступает невозможность определённо трактовать какие-либо моменты в них. Так, например, мы не можем с точностью сказать, чем является *collegium caplatorum* в тексте. И по сей день перевод этого момента упоминается в научных статьях вскользь, потому что мы можем только описать, чем могла бы быть эта коллегия. И те знания, которые есть у нас на этот счёт, почти все они опираются на данную надпись. Вообще, *capulatores* были рабочими, занимавшимися прессованием оливкового масла⁴³, отсюда мы можем сделать вывод, что коллегия занималась производством и распространением масла.

Что касается почестей, то здесь действует стандартная схема чествования человека в надписи: сначала говорится о том, кем является человек (*libertus*, вольноотпущенник), потом перечисляются его должности (*patronus*, *decurialis*, *decemviralis*), далее объясняется, за что человека почитают (*erga amorem patriae et civium*, *thermas longa incuria neglectas sua pecunia restituerit*).

Надпись, которую мы будем рассматривать далее, относится к региону Ананьи, и датируется приблизительно 201-300 гг. н.э.

Ti(berio) Cl(audio) Ti(beri) fil(io) Pub(lilia tribu) Crescentia/no p(atrono) m(unicipi), q(uin)q(uennali), praet(ori), q(uinquennali) bis, sacer/doti iuventium Aninae (sic), s(enatus) p(opulus)q(ue) A(nagninus)/ amantissimo sui ac praes/tantissimo ob nimiam eius/ erga municipes patriamque ad/fectionem quod is in hono/ribus enixe adque inpenssime (sic)/ in omnibus patriae suae lar/giter functus sit, dignissimo pa/trono poni censuerunt./ <L(ocus)> d(atus) d(ecrcto) d(ecurionum) (CIL X 5919 = ILS 6263)

⁴³ Platner S.B. A Topographical Dictionary of Ancient Rome // Samuel Ball Platner. Thomas Ashby. London: Humphrey Milford. Oxford University Press. 1929. См. Regionary Catalogue, а именно Regio III: упоминается между *Iacus Pastorum* и *thermae Titianae*.

Тиберию Клавдию Кресцентину, сыну Тиберия, из Публиевой трибы, покровителю муниципия, квинквенналу, претору, дважды квинквенналу, жрецу молодёжи в городе Ананьи. Сенат и народ Ананьи решили воздвигнуть (статую) их любимейшему, превосходнейшему и достойнейшему покровителю за его чрезмерную любовь по отношению к муниципию и родине, которую он в почестях старательно и во всех своих отчизнах обильно выполнял. На месте, данном по указу декурионов

Прекрасный пример классической почётной надписи: здесь мы видим, кому приходится сыном Тиберий Клавдий Кресцентин, его род и *cursus honorum*: покровитель муниципия, квинквеннал, претор, дважды квинквеннал, жрец. А также классические для почётных надписей определения: *amantissimo praestantissimo* и *dignissimo*. Тиберий Клавдий почитается за его любовь к родине, которую он доказывал, видимо, своей службой муниципию: *ob nimiam eius erga municipes patriamque adfectionem*.

Следующая надпись относится к 247-248 гг. н.э., к городу под названием *Ocriculum* (Окрикулум), который находится в области Умбрии.

Romuli / M(arco) Iulio Ulpio M(arci) filio / Velina Cleopatro pa/trono civit(at)is et collegi(i) / centonar(iorum) item amatoru/m Romuliorum patri MM(arcorum) / Claudiorum Ulpiorum Cle/opatri et Sabini eeqq(uitum) RR(omanorum) / viro optimo ob merita et / innocenti(a)e eius honoris / gratia amatores qui ad r/oburandum consensum ama/torum suorum donavit eis / HS X m(ilia) n(ummum) et ob dedicatione(m) sin/gulis discumbentibus et epul(as) / HS XXX n(ummum) l(ocus) d(at)us d(ecreto) d(ecurionum) (CIL XI 7805 = ILS 7365)

Марку Юлию Ульпию Клеопатру, сыну Марка, из рода Велина, широко известному как Ромулий, покровителю города и коллегии центонариев, а также покровителю почитателей Ромулиев, отцу Марка Клавдия Ульпия Клеопатра и Марка Клавдия Ульпия Сабина, римских всадников, лучшему мужу, (его) почитатели посвятили (эту статую) ввиду его заслуг и честности, дабы почитать его. Чтобы укрепить единодушную преданность своих почитателей, он подарил им 10 000 сестерциев, а по случаю посвящения

(статуи) устроил пир и раздал по 30 сестерциев каждому обедающему. На месте, данном по указу декурионов

Надпись показывает нам, что Марк Юлий Ульпий Клеопатр был покровителем ассоциации почитателей Ромулиев в городе Отриколи: он оказывал знаки внимания этой коллегии даже после того, как она почтила его статуей. Ромулии же – прозвище местной знатной семьи. Братья подобные названия вошло в обычай среди знати в III-IV вв. н.э.⁴⁴ Упомянутая надпись чтит Марка Юлия за то, что он для укрепления согласия среди своих почитателей даровал им внушительную сумму денег и устроил пир в честь посвящения памятника.

Формулы чествования человека стандартные: мы видим информацию о том, кем является почитаемый (*patronus civitatis et collegii centonariorum item amatorum Romuliorum*), о его родственных связях, а у мужчин часто, в отличие от женщин, было указано, кому они приходится отцами, в то время как у женщин – кому они приходится дочерьми (*pater MarcorumClaudiorum Ulpiorum Cleopatri et Sabini equitum Romanorum*). Как обычно, используются шаблоны, вроде *ob merita et innocentiae eius*, характерные для почётных надписей, и довольно часто встречающиеся фразы с тем, сколько почитаемый пожертвовал (*donavit...nummum*) и что он устроил для тех, кому жертвует (здесь, *epulas*).

Также стоит отметить, что помимо покровителя коллегии почитателей знатной семьи Ромулиев, Марк Юлий был покровителем коллегии центонариев или *collegium centonariorum* (лат.: *centonararius* – портной, кладущий заплаты и изготавливающий лоскутные одежды). О данной коллегии очень мало известно в имеющихся у нас источниках, но в надписях эта коллегия встречается довольно часто (можно сказать, что надписи выступают для нас альтернативным источником знаний об истории тех лет, поскольку они предоставляют для нас огромное множество доселе неизвестных коллегий).

⁴⁴ Штаерман Е.М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. Москва, Наука, 1964. С. 60.

Следующая надпись относится к 258-260 гг. н.э. Она была найдена в Бриансоне, в регионе, который относится к Приморским Альпам. В те века данный регион назывался *Brigantio* (Бригантио):

D(omino) n(ostro) / P(ublio) Licinio Cor/nelio Saloni/no Valeriano / nobilissimo / Caesari / ordo / Brig(antiensium) (CIL XII 57)

Нашему господу, Публию Лицинию Корнелию Салонину Валериану, благородному Цезарю. Орден (декурионов) жителей Бригантио

Почитаемый здесь Цезарь – Публий Лициний, сын императора Галлиена (253-268 гг. н.э.). Данная надпись, или даже самое посвящение, является единственным упоминанием о Салонине в провинции Приморские Альпы, где, однако, были удостоены чести другие члены семьи Галлиена: брат Салонина Валериан II – в Вансе (CIL XII 12 = ILS 553), жена Галлиена Салонина – в Симье, которую почтили декурионы и Аврелий Януарий, прокуратор провинции (CIL V 7879).

Заметим, что надпись начинается не с имени, а с указания на то, кем является Публиций Лициний для жителей Бригантио (*domino nostro*). Поскольку это сын императора, его также довольно коротко чтут, делая это из уважения к семье императора, поэтому единственное определение, которое дали жители почитаемому – это *nobilissimo*.

Таким образом, мы выяснили, что почётные надписи имеют довольно разнородную структуру: они могут начинаться, как полагается чаще всего, с имени чествуемого человека в дательном падеже, а могут – с именительного падежа или с формул, вроде *genio (et honori)* или *ob honorem*, например. Они могут быть очень краткими и включать в себя только имя почитаемого человека и того/тех, кто установил ему статую и соответствующую надпись, а могут перечислять весь *cursus honorum* человека, его доблести и заслуги перед общественностью. Почётные надписи также могут быть абсолютно неинформативными и не показывать нам, людям, которые видят эти надписи спустя века, за что, например, чествовался человек (в ряде надписей мы увидели, что кроме указания родственных связей и приписки *honoris causa*, они

больше не содержат никакой показательной информации), а могут содержать целый перечень заслуг чествуемого (его нисходящий *cursus honorum*, от самой высокой должности до первых полученных им титулов). Почётные надписи могли содержать определения (*amantissimus, dignissimus* и др.), а могли обходиться и без них.

Исходя из рассмотренных нами надписей, мы делаем вывод, что почётная надпись имеет лишь поверхностную структуру – почтить славу или память человека, не обязательно выдающегося, поскольку почётную надпись могли установить за любые *merita* (заслуги), будто то спонсирование ремонта бань или родственная или дружеская связь с императором. Строгих границ и единого образца у почётных надписей нет, но они могут быть сгруппированы по ряду признаков: область нахождения надписи, занимаемые должности, надписи императорам и многие другие, ведь их может быть бесчисленное множество.

Дабы лучше понять политику чествования людей, мы предлагаем перейти к следующему параграфу и рассмотреть почётные надписи женщинам, которые не имеют *cursus honorum* мужчин и, в принципе, ограничены в правах, а значит и на благо города ни могли сделать меньше. Но почётных надписей женщинам великое множество, а значит, их было за что почитать.

2.2 Почётные надписи женщинами

Во втором параграфе обратимся к женским почётным надписям, что довольно интересно при изучении эпиграфического материала, поскольку большая часть надписей посвящена именно мужчинам, а почётные надписи, ввиду того, что чаще всего затрагивают *cursus honorum* человека, тем более обращены к выдающимся карьерным заслугам мужчины, нежели к чествованию благодеяний женщины. Тем не менее, нам известен достаточно большой пласт почётных надписей женщинам. Не все из них могут относиться

конкретно к почётным, но мы уже исследовали вопрос правомерности отделения почётных надписей от любых других в первой главе, поэтому в данном параграфе мы постарались собрать надписи женщинам, которые отметились перед общественностью своими заслугами.

Для удобства мы также, как и в предыдущем параграфе, исследовали десять надписей из разных регионов, которые отличаются друг от друга и в хронологическом аспекте. Рассмотрение начнётся одной из самых ранних найденных надписей женщине и закончится самой поздней из тех, что включена в анализ данного параграфа.

Первая надпись, которую мы переведём и исследуем, датируется 1-30 гг. н.э. Точное время неизвестно, поэтому мы приближаем её ко времени становления Империи, тем самым принимая во внимание, что это самая ранняя почётная надпись в нашем исследовании. Место, из которого происходит данная надпись, – это город Кумы, который является первой древнегреческой колонией в Италии. Изначально город относился к области Кампания, которая простирается вдоль побережья Тирренского моря. В 338 году до н. э. Кумы были завоёваны римлянами, а жители Кум получили статус римских граждан. В 215 году до н. э. Кумы получили статус римского муниципия.

Sextiae L(uci) f(iliae) Kani⁴⁵ (uxori) / monumentum publice / factum d(ecreto) d(ecurionum) c(olonorum) I(uliensium) / quod ea munifica erga / coloniam fuit (CIL X 3703 = ILS 6338)

Сексте, дочери Луция, жене Кана, поставлен публичный памятник по указу декурионов города Юлиевой Колонии, так как она была щедра по отношению к колонии

Интересно, что в CIL приписка *uxori* присутствует, в то время как в ILS мы сами должны догадаться о том, что Секста является женой Кана. Поскольку в почётных надписях у женщин практически всегда указывается её замужество (а именно, кому она приходится женой), мы понимаем, что

⁴⁵ Дессау предполагает, что это мог быть Iulius Canus, упомянутый у Сенеки в Диал. 9.14.

имеется в виду под именем *Kani*. Как видим, надпись достаточно короткая, что неудивительно для надписей столь раннего времени, ещё и для надписей, которые, к тому же, посвящены женщинам.

Муж Сексты, предполагаемый Юлий Кан, был римским дворянином, которого Калигула обвинил в том, что он знал о заговоре против него. Юлий был приговорён к смерти в 40 г. н.э. Сенека рассказывает о стоицизме Кана перед лицом смерти [Seneca, *De tranquillitate animi* 14.9].

Поскольку Кан был философом-стоиком и известен своим мужеством и храбростью перед лицом смерти⁴⁶, вполне вероятно, что Сексте, как и многим другим женщинам, надпись была посвящена за заслуги мужа в первую очередь, а уже потом за то, что она *munifica*. Однако это не отменяет того факта, она прославилась своей щедростью по отношению к городу, но из такой краткой и лаконичной надписи мы можем сделать только два вывода: а) Секста прославилась благодаря щедрости и, во многом, благодаря заслугам мужа; б) в I в. н.э. традиция чествования женщин только набирала обороты, поэтому была столь сдержанной.

Следующая надпись достаточно сильно отличается по своему объёму, и датируется примерно 70 гг. н.э. Надпись относится к провинции Бетика, муниципия Картима. Одна из примечательных её деталей на первый взгляд – это наличие именительного падежа, что не характерно для поздних почётных надписей, а уж тем более, для надписей времён Римской империи.

Iunia D(ecimi) f(ilia) Rustica sacerdos / perpetua et prima in municipio Cartimitan[o] / porticus public(as) vetustate corruptas refecit solum / balinei dedit vectigalia publica vindicavit signum / aereum Martis in foro posuit porticus ad balineum / solo suo cum piscina et signo Cupidinis epulo dato / et spectaculis editis d(e) p(ecunia) s(ua) d(edit) d(edicavit) statuas sibi et C(aio) Fabio / Iuniano f(ilio) suo ab ordine Cartimitanorum decretas / remissa impensa item statuam C(aio)

⁴⁶ Сенека рассказывает, что, когда Юлия Кана приговорили к смерти и за ним спустился палач, Кан просто встал и сказал присутствующим: «Вы свидетели того, что я был на шаг впереди», а затем пошёл навстречу своей смерти. Увидев своих плачущих друзей, он сказал: «Почему вы так печальны? Вы спрашиваете, бессмертны ли души: так вот, я скоро узнаю».

Fabio Fabiano viro suo / d(e) p(ecunia) s(ua) f(actas) d(edit) (CIL II 1956 = ILS 5512)

Юния Рустика, дочь Децима, первая и пожизненная жрица муниципия Картима, восстановила общественные портики, разрушенные старостью, выделила землю для бани, возместила государственные налоги, установила бронзовую статую Марса на форуме, за свой счёт построила портики рядом с баней на её собственной земле с бассейном и статуей Купидона, и посвятила их после того, как устроила пир и представления. Оплатив расходы, она изготовила и посвятила статуи, которые были установлены советом Картима, для себя и для своего сына Гая Фабия Юниана, а также за свой счёт изготовила и посвятила статую для Гая Фабия Фабиана, своего мужа

Пожизненные обязанности жрицы, которые Юния Рустика занимала первой при получении городом муниципального статуса при, скорее всего, императоре Тите Флавиане Веспасиане (69-79 гг. н.э.), и её благотворительность предполагают предварительные переговоры с городским советом, который принял её пожертвования для города и впоследствии избрал покровительницей. Официальное освящение её благодеяний в качестве спонсора для общественных зданий требовало личного присутствия при столь важном мероприятии, которое, очевидно, поставило её в центр общественного внимания. Она возвысила свой авторитет, когда решила устроить празднование и публичные представления для собравшихся. В благодарность за её добрые дела совет принял решение воздвигнуть статуи для неё и её сына. Приняв эту честь, она оплатила расходы, сама установила статуи и добавила одну для своего мужа, создав таким образом семейную группу из статуй. Стоит обратить внимание на то, что данная группа статуй (из которых сохранилась только одна надпись) доказывает нам, что надписи, упоминающие всех членов семьи, не всегда показывали, что чествуется, прежде всего, мужчина, глава семьи. На примере этой надписи мы видим, что роли в семьях распределялись по-разному: Юния Рустика заслужила гораздо больше почестей, чем её муж, который был упомянут самим последним и лишь

в конце почётной надписи. И муж, и их сын были обязаны своими общественными статуями щедрости и социальной известности Юнии Рустики [Hemelrijk 2012, 481].

Помимо традиционных благотворительных акций, за которые она почитается (*porticus refecit, balinei dedit, pecunia sua dedit dedicavit*), Юния Рустика также выплачивала государственные налоги своего города (*vectigalia publica vindicavit*). Точный смысл формулировки неясен: возможно, она платила местные налоги от имени своих сограждан, или же выплачивала налоги, которые город должен был платить Риму. Такого рода благотворительность не была редкостью для мужчин, но для женщины это было довольно необычно.⁴⁷

Также интересно указание на то, что портики простояли некоторое время, поскольку они были *vetustate corruptas*. Это говорит о том, что Картина уже был достаточно развитым городом к концу первого века и, кроме того, что необходимость ремонта, возможно, сигнализировала об ослаблении интереса римской верхушки. Во всяком случае, Юния Рустика также поставила бронзовую статую Марса на форуме, ещё один набор портиков, которые, по-видимому, были частью комплекса для купания и бассейна, статую Купидона и землю для самих купаний. Последний подарок особенно примечателен, поскольку он поднимает вопрос о собственности женщин на землю в поселении Бетика [Donahue 2004, 876].

Таким образом, эта надпись, хоть и ушла на несколько десятилетий вперёд, показывает нам не только, как менялась традиция чествования влиятельных женщин, но и доказывает, что степень почёта женщины далеко не всегда зависит от её мужа (если в большинстве надписей нам неизменно первым делом пишут, чьей женой являлась почитаемая особа, то в надписи выше упоминание о муже стоит лишь в самом конце, да и то лишь из-за щедрости самой Юнии Рустики).

⁴⁷ Hemelrijk E. *Hidden Lives, Public Personae: Women and Civic Life in the Roman West*, Oxford University Press, 2015. P. 148.

Третья надпись посвящена Юлии Фелицитате. Точной датировки не известно, но мы относим её приблизительно к 101-200 гг. н.э., к городу Амелия в Умбрии. Стоит отметить, что важной особенностью римских ассоциаций является наличие общей казны для *collegium*, средства из которой могли быть потрачены на различные виды деятельности и задачи этой коллегии. Посвящающие часто брали средства на данные цели из общего фонда. Конкретный пример данного явления можно увидеть в надписи ниже, в которой местная *familia publica* была обозначена в качестве получателя денег от благотворительницы.

Iuliae M(arci) f(iliae) Felicitati / uxori / C(ai) Curiati Eutychetis / IIIvir(i) magistræ Fortu/nae Mel(ioris) coll(egium) centonarior(um) / ob merita eius quo honore / contenta sumptum omnem / remisit et ob dedic(ationem) ded(it) sin/gulis HS XX n(ummum) et hoc amplius / ar<c=K>ae eorum intul(it) HS V m(ilia) n(ummum) / ut die natalis sui V Id(us) Mai(as) / ex usuris eius summae epu/lantes i<n=M> perpetuum divider(ent) / quod si divisio die s(upra) s(cripto) celebrata non / fuerit tunc pertineb(it) omn(is) summa / ad familiam publicam (CIL XI 4391 = ILS 7704)

Юлии Фелицитате, дочери Марка, жене Гая Куриатия Евтихия, кваттуорвира, жрице Фортуны Мелиор, коллегия центонариев (посвятила этот памятник), за её заслуги. Она, получившая честь, возместила всю стоимость (памятника), и по случаю посвящения она дала каждому (члену) 20 сестерциев, и вдобавок к этому она положила в их казну 5000 сестерциев, чтобы в её день рождения, на пятый день перед майскими Идами, они могли разделить годовой процент от этой суммы на питание на неограниченный срок. Но если разделение не отпраздновано в указанный выше день, то вся сумма должна принадлежать общественной группе

К сожалению, природа заслуг Юлии Фелицитаты остаётся неустановленной. Возможно, она была покровительницей коллегии. Центонарии могли почтить её в награду за обязанности, которые она возлагала

на себя в качестве жрицы Фортуны Мелиор⁴⁸, или, возможно, просто для того, чтобы показать всем, что они находились в отношениях с влиятельной семьёй.

Два упущенных из виду аспекта этой надписи – это то, что на самом деле должна была получить *familia*, и то, как она должна была это получить. Во-первых, в отличие от первоначальных бенефициаров, т.е. от коллегии центонариев, *familia* будет награждена не роскошным обедом по фиксированной стоимости, а скорее самой суммой в 5000 сестерциев, первоначально оставленной в наследство. Важно отметить, что Юлия Фелицитата предполагала, будто эта сумма поступит в общую казну. Второй момент, который следует отметить в этом посвящении, заключается в том, что, в отличие от многих римских благотворительных фондов, где отдельные члены объединения получали денежные подачки, обычно выражаемые латинскими распределительными числительными, здесь Юлия выделяет деньги общественной группе в целом. В таком случае, как группа может получать средства, если только они не отойдут в общую казну?

Только в одной надписи упоминается покровительница коллегии, предоставляющая продовольственные пособия для её членов. Надпись из Пизавра, созданная *cultores*⁴⁹ *Iovis Latii* (почитатели Юпитера из Лация), сообщает нам, что Марк Фремедий Север и Бласия Вера, которые были покровителем и покровительницей этого объединения, раздавали хлеб, вино и по два динария каждому из его членов (CIL XI 6310).

Касательно самой почётной надписи, здесь мы видим всё ту же характерную формулу – *ob merita eius*. Только помимо традиционных заслуг на том или ином поприще, здесь также можно выделить глаголы *remisit*, *dedit*

⁴⁸ Богиня, ставшая довольно популярной в Умбрии во времена Империи. Она довольно часто упоминалась в надписях. Почитать об этом больше можно в работе Miano D. *Fortuna: Deity and Concept in Archaic and Republican Italy*, Oxford University Press, 2018. P. 68.

⁴⁹ Термин «cultores» довольно часто встречался в надписях периода Империи, обозначая группу почитателей, будь то на словах или посредством юридического заверения (как, например, *collegium cultorum*). Надписи с упоминанием таких объединений: CIL X 6483 = ILS 3081); the cultores Silvani (CIL VI 1950 = ILS 7317); cultores Dianae (CIL XIV 2633 = ILS 7317a). Почитать об этом можно: Schultz C.E. *Religion in Republican Italy* // Celia E. Schultz, Paul B. Harvey. Cambridge University Press, 2007. P. 135.

и *intulit*, которые говорят нам о щедрости Юлии Фелицитаты, наградившей коллегию материальными средствами.

Ещё одна надпись принадлежит Юнии Гратилле, и относится приблизительно к 101-200 гг. н.э., к региону Атина, что в Лацие.

Ob pudicitiam / Iunia Gratillae / Atinates publice / statuam ponendam / censuerunt et scholam dederunt quam / Iunius Syriarches / cum fili(i)s exornavit / dedicavitque (CIL X 5069)

За целомудрие Юнии Гратиллы, от лица граждан Атины мы (граждане) решили поставить статую и предоставили schola⁵⁰, которую Юний Сириарх с сыновьями украсил и посвятил (ей)

По всей видимости, Юния Гратилла, дочь вольноотпущенника Юния Сириарха, получила статую из-за своей девственности, а не из-за щедрости её отца и братьев, которые украсили некую *schola*, хотя это кажется более правдоподобной причиной. То есть помимо того, что она была удостоена чести получить статую с почётной надписью, для неё ещё и украсили *schola*.

Существуют различные типы мест и зданий, которые могут быть обозначены словом *schola*, широко засвидетельствованным как в литературной, так и в эпиграфической сферах. Плиний Старший называет словом *schola* находящийся в Портике Октавии большой зал⁵¹, украшенный статуями и картинами известных людей. В то время как Витрувий пишет, что *schola* может обозначать свободное пространство вокруг кальдария (одно из основных помещений римских терм) и лаконика (парильня для потения в римских термах), где моющиеся ждали своей очереди⁵². *Schola* также могла обозначать своего рода пункт привала для граждан, обычно располагающийся вблизи главных улиц и, в особенности, недалеко от форума. Там граждане могли вести дискуссии. Но данным термином могло обозначаться что угодно,

⁵⁰ Перевод слова *schola* в данном контексте вызывает множество споров, поэтому мы решили оставить его без перевода, приведя ниже различные аргументы в сторону того, чем оно могло бы являться.

⁵¹ Plin. NH XXXV, 114. и Steinby E.M. Lexicon topographicum urbis Romae. Vol. IV. Roma: Edizioni Quasar, 1999. Pp. 141-145, см. Porticus Octaviae.

⁵² Vit. De Arch. V, X, 4. Также Yegül F. Baths and Bathing in Classical Antiquity, the architectural History. Foundation, New York-Cambridge MA 1993, P. 376.

вплоть до ограждения в военных лагерях, где вели запись на службу. А в надписях использование этого слова часто связано с религиозными или коммерческими коллегиями, ассоциациями и гильдиями [Рере 2019, 114-115]. Но в надписи не содержится ни единого намёка на то, что *schola* могла обозначать пространства в термах или, уж тем более, место для записи на службу. В местной традиции у граждан Атины было принято давать намёки о местах скопления и досуга у римлян⁵³. Значит, вопрос с тем, чем является *schola*, открыт и по сей день, поскольку перевод не был обнаружен в каких-либо работах на эту тему.

Однако на то, почему Юнию Гратиллу публично почитали, указывает *pudicitia*. Одна из добродетелей, которая традиционно отличала римскую матрону, *pudicitia* или целомудрие, часто встречается в надгробных надписях, и с другой стороны, редко встречается в почётных, которые в большинстве случаев подчёркивают щедрость почитаемого человека или его семьи (пожертвование денег, ремонт общественных зданий и прочее). Но точно не образцовое поведение в личной жизни, как в рассматриваемой надписи. Также интересно, что почётная надпись начинается не с привычного для нас дательного падежа, а сразу с заслуги почитаемой, имя которой ставится в родительном падеже.

В корпусе надписей в честь женщин, собранных Элизабет Форбис, упоминание о *pudicitia* встречается только два раза, и в обоих случаях добродетель *pudicissima* сопровождается такими формулами, как *ob munificentiam* (за щедрость) и *ob merita* (за заслуги), которые дают прямой намёк на то, что почитаемая женщина раздавала часть своего богатства общине (в общем, она руководствовалась принципами эвергетизма, термин которого произошёл от др.-греч. εὐεργετέω – творить добрые дела)⁵⁴. С другой стороны, ясно, что в случае с Юнией Гратиллой почести для неё – это прежде

⁵³ Elisena S. Atina dalle sue origini alla caduta dell'Impero Romano, tesi di laurea, manoscritto del 1906. Edizione integrale in *Historia XVIII*, Centro di Studi Storici "Saturnia", Atina, 2008. Pp. 171-175.

⁵⁴ Forbis E. Women's public image in Italian honorary inscriptions. *American Journal of Philology* 111 (4), 1990. Pp. 85-87, надписи CIL XI 405, CIL IX 4898.

всего знаки благодарности по отношению к её семье, семье вольноотпущенников, которая принадлежала к муниципальной элите, и это стало достойно похвалы со стороны общественности.

Важным представляется отметить, что не всегда только муж и жена могут быть чествуемыми в надписях покровителями. Женщина и её дети также могли являться покровителями и заниматься благотворительностью в соответствии с этой ролью. Так, например, надпись из города Утика (Северная Африка, к северо-западу от Карфагена), который представляет современный Тунис, свидетельствует о трёх покровительницах, происходящих из одной семьи, о матери и её дочерях. При этом они были удостоены чести вместе со своим мужем и отцом:

L(ucio) Accio Iuliano Asclepiano c(larissimo) v(iro) co(n)s(uli) cur(atori) rei p(ublicae) Uti<c=K>(ae) / et Galloniae Octaviae Marcellae c(larissimae) f(eminae) eius et Acciae / Heuresidi Venantio(!) c(larissimae) p(uellae) et Acciae Asclepianillae / Castorae c(larissimae) p(uellae) filiabus eorum col(onia) Iul(ia) Ael(ia) Hadr(iana) Aug(usta) Uti<c=K>(a) / patronis perpetuis d(ecreto) d(ecurionum) p(ecunia) p(ublica) (CIL VIII 1181)

Луцию Акцию Юлиану Асклепию, славнейшему мужу, консулу, куратору города Утика, и Галлонии Октавии Марцелле, его славнейшей жене, и Акции Эуресиде Венанции, славнейшей девушке, и Акции Асклепианилле Кастории, славнейшей девушке, их дочерям. Колония Юлия Аелия Адриана Аугуста города Утика (посвятила эту надпись) своим вечным покровителям. По указу декурионов, на государственные деньги

Акций Юлиан Асклепий был консулом-суффектом в неизвестную дату в третьем веке, а также почитался как покровитель Утики. Возможно, он являлся сыном Акция Юлиана, консул-суффекта (II в. н.э.) африканского происхождения, который также является дедом выдающегося рода Нерация, пользовавшегося большим влиянием в Италии в III в. н.э. По крайней мере, к такому выводу склоняются некоторые исследователи, изучившие уже некоторые из точек зрения на этот счёт [Bond 2007, 62].

Из надписи мы видим, что жена и дочери Луция Акция Юлиана Асклепия носили тот же титул, что и их муж и, соответственно, отец. Всё из-за того, что титул *vir clarissimus* передавался по наследству. Если женщина выходила замуж за славнейшего мужа, то она автоматически получала его титул, как и их сыновья и дочери, как в примере выше.⁵⁵ Это довольно распространённый способ для того, чтобы почтить память выдающегося человека, но сделать это так, чтобы его слава продолжалась и после его смерти, поскольку жена и дочери, носящие его титул, должны были пережить своего средних лет отца.

Но о чём говорит колония Утики, которая упоминается в надписи? Дата её образования нигде не упоминается, но мы можем сделать вывод хотя бы насчёт того, почему она носит подобное название. Ко второму веку нашей эры Рим практически прекратил заселение новых колоний на территории современной Италии и в её провинциях. Начиная с поздней Республики, «новые» колонии и муниципии могли создаваться по административному указу Рима. Больше они не создавались с гражданами, которых правительство поселило на присвоенных землях, которые ранее были незанятыми или чьи предыдущие жители покинули их (были перемещены). Во времена Империи именно административные указы были ответственны за изменение внутренней юридической и политической организации города, а также его отношений с центральной властью Рима. Эта административная процедура получила широкое распространение после правления Адриана (117-138 гг. н.э.), и некоторые колонии Адриана, вроде *Colonia Aelia Capitolina* (в Иудее) и *Colonia Aelia Mursa* (в Паннонии), являются последними «новыми» колониальными поселениями в истории Рима [Boatwright 2002, 36]. Очевидно, что надпись датируется уже после 117 года, поскольку упоминаемая в надписи *colonia Iulia Aelia Hadriana Augusta Utica* носит имя Адриана. Но откуда пошло такое название? Для этого стоит обратиться к битве при Заме (202 г. до н.э.),

⁵⁵ Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV-VI вв.): Заметки о титулах знати: эгрегий, перфектиссим, клариссим. // Византийский Временник. № 24, 1964. С. 41-47.

последнему сражению Второй Пунической войны. В этой битве две армии, одна из которых принадлежала Сципиону, а вторая – Ганнибалу, встретились для великого противостояния. Зама же оставался одним из самых могущественных городов Нумидии даже после того, как была создана провинция *Africa Vetus*. Верный нумидийскому царю Югурте (160-104 гг. до н.э.), город не сдался римскому полководцу Метеллу (160-90 г. до н.э.), который потерпел неудачу в своей попытке захватить его в 109 г. до н.э. Объединившись с армией Цезаря, город отвернулся от нумидийского царя Юбы, который покончил с собой на близлежащей ферме (46 г. до н.э.). После того, как победители создали *Africa Nova*, город был своего рода вознаграждён, став главным городом провинции, а Саллюстий стал его первым губернатором. С тех пор его история была такой же, как и у большинства городов времён Империи: согласно Плинию, позже, при Адриане, он был переименован в *colonia Aelia Hadriana Augusta Zamensis Regia*, о чём свидетельствует, например, надпись, датированная 322 г. н.э., обнаруженная в Риме (CIL VI 1686)⁵⁶. Можно предположить, что название колонии в надписи на последнее место ставит Утику, к которой относится, а не Заму. Такие моменты достаточно интересно разбирать в надписях, поскольку это составляет одну из проблем их изучения – сложность и объём знаний, которые необходимы для чтения и правильного понимания надписей.

При этом о том, что перед нами почётная надпись, говорит очень краткий, если можно так сказать, *cursus honorum* мужа и отца, перечисление титулов, которые жена и дочери получили от отца и упоминание их в качестве *patronis perpetuis*.

Ещё одна надпись относится к 151-200 гг. н.э., к городу под названием Ананьи, который во времена античности входил в состав региона Лаций.

Marciae Aurel(iae) / Ceioniae Deme/triadi stolatae / feminae ob dedicationem / thermarum quas post mul/tum temporis ad pristinam / faciem suis

⁵⁶ Louis Déroche, "Les Fouilles de Ksar Toual Zammel et la Question de Zama," *MEFR* 60, 1948. Pp. 55-105; F. M. Russell, "The Battlefield of Zama," *Archaeology* 23.2, 1970. Pp. 120-129.

sumptibus restau/raverunt s(enatus) p(opulus)q(ue) Anagnin(us) / statuam ponendam censuerunt / o(b) cuius dedication<e=I>m dedit decuri/onibus |(denarios) V s<e=I>vir(is) |(denarios) II popul(o) |(denarium) sing(ulis) / et epulum sufficiens omnib(us) (CIL X 5918 = ILS 406)

Марцие Аврелие Цейоние Деметрие, замужней женщине, по случаю освящения бань, которые после долгого времени были восстановили в первоизданном виде за её собственные средства. Сенат и народ Ананьи постановили установить статую (для неё). По случаю посвящения статуи она дала пять динариев декурионам, два – севирам и один – народу, а также устроила пир, подходящий для всех

Данная надпись примечательна тем, что имя Марции чаще всего ассоциируется с наложницей императора Коммода. Она известна тем, что организовала довольно неприятную смерть для императора, фактически положив конец династии Антонинов, а затем помогла выбрать нового императора Пертинакса⁵⁷ в 193 году н.э. Марция также выступала в качестве политического советника Коммода, и, по сообщениям, у неё было несколько других любовников. Например, Марция вышла замуж за приближенного Коммоду управляющего двором вольноотпущенника Эклекта, по-видимому, продолжая свою связь с императором. Согласно христианскому теологу II-III вв. н.э., известному как Ипполит Римский, Марция была благочестива (φιλόθεος) в отношении христианства, будучи воспитанная евнухом Гиацинтом, который был связан с епископом Виктором (189-199 гг. н.э.). Ипполит рассказывает, что Марция получила от Коммода разрешение освободить нескольких христианских исповедников, которые были осуждены и сосланы на сардинские рудники⁵⁸. Одним из этих исповедников, как гласит история, оказался человек по имени Каллист, позже известный в предании как

⁵⁷ Herod. Hist. Rom. 1.16.4–17.12; 2.1.1–4.

⁵⁸ Hippol. Ref. omnium haer. 9.12.10–11; Cass. Dio. HR 73.4.6. Для того, чтобы прочитать о Марции, симпатизирующей христианству, можно обратиться к Strong A.K. A Christian Concubine in Commodus' Court?, *Eugesta* 4, 2014. Pp. 238–259. Марция и христианство: Green B. *Christianity in Ancient Rome: The First Three Centuries*, New York, 2010 P. 135.

епископ Каликст I. Таким образом, Марция была одной из самых влиятельных придворных эпохи Антонинов.

В первом параграфе, когда мы рассматривали надписи мужчинам, мы уже говорили о том, что статуя Марции Аврелии была найдена вместе со статуей Марку Марк Аврелию Сабиниану за его гражданские благодеяния и благотворительность. Эта женщина была удостоена статуи по тому же поводу. В 1883 году Теодор Моммзен опубликовал эту вторую надпись как CIL X 5918. В примечаниях Моммзен предположил, что императорский вольноотпущенник Сабиниан был отцом Марции Аврелии Цейонии Деметрии. Но он также предположил, что Марция была той самой Марцией, известной нам из римской истории как придворная и наложница Коммода⁵⁹. Пусть и не все (Штайн⁶⁰, Деграсси⁶¹, Каява⁶²) разделяют это мнение, однако позиция Моммзена устоялась, и большинство исследователей стали принимать её за правду. Тем не менее, есть и те, кто считает, что Марция была богатой и знатной (поскольку она *femina stolata*) свободнорождённой женщиной, вышедшей замуж за императорского вольноотпущенника Сабиниана, совместно с которым она была удостоена чести как гражданская благотворительница. [Flexsenhar III 2016, 137]. Вопрос, конечно, в том, могла ли наложница Коммода иметь имя Марция *Аврелия*, ведь об этом мы можем узнать только из надписи. Или же Марция Аврелия – это другой человек?

Одной из главных частей в надписях, которые посвящены женщинам, – это приписка *uxori* (жена такого-то человека...). В каких-то надписях она опущена, в большинстве она присутствует. Конкретно в этой надписи Марцию называют *femina stolata*. Название в сочетании со множеством имён передаёт, что Деметрия была элитной, свободнорождённой женщиной. Стола же была одеждой, которую обычно носили уважаемые и законно состоящие в браке

⁵⁹ Flexsenhar III M. Marcia, Commodus' 'Christian' Concubine and CIL X 5918. Tyche: Beiträge zur Alten Geschichte Papyrologie und Epigraphik 31, 2016. Pp. 135-136..

⁶⁰ Stein A. Marcia 118, RE XIV 2, 1930. P.1605.

⁶¹ Degrassi A. Scritti vari di Antichità, Roma, Vol 3, 1967. P 27.

⁶² Kajava M. Roman Female Praenomina: Studies in the Nomenclature of Roman Women. Rome, 1995. Pp. 169-171.

жёны, обладающие римским гражданством. Титул *femina stolata*, однако, редко встречается в надписях с латинского запада. Большинство из относительно немногих женщин, носящих этот титул, либо происходят из аристократического сословия всадников – и сами замужем за всадниками — либо из местного сословия декурионов.⁶³ Женщина с надписи все ещё упоминается как исключение из этого общего правила, потому что её считают наложницей и вольноотпущенницей, опираясь на общепринятую интерпретацию надписи. Тем не менее, статус освобождённой женщины в надписи не указан по какой-то причине, а это в который раз заставляет задуматься о том, кем была женщина с надписи.

В конце концов, даже если она и не была могущественной придворной, Деметрия всё равно была важной женщиной сама по себе. Бани, перед которыми, возможно, первоначально стояла её статуя, нуждались в определённом обслуживании. После того, как она и, вероятно, её муж восстановили их, у них было достаточно ресурсов, чтобы раздавать дополнительные средства. Таким образом, Деметрия из древней Ананьи была похожа на многих других известных женщин эпохи Принципата, которые разными способами пытались оставить свой след в мироустройстве римлян. По этой причине Деметрию следует помнить в качестве благотворительницы, а не в тени наложницы Коммода Марции.

Надпись, которую мы будем рассматривать далее, посвящена Флавии Аммии. Она относится к Этрурии, к региону под названием *Ad Vicesimum*, который является современной коммуной Капена в Италии. Датируется 151-225 гг. н.э.

Flaviae / Ammiae / sacerdoti / Cereris / ob honorem / caerimoniorum / honestissim(a)e / praebitorum / decreto ordinis (CIL XI 3933 = ILS 3352)

⁶³ Chelotti M. La stola, ma non il silenzio. Statue pubbliche per donne nell'Italia romana: un'indagine preliminare // M. Chelotti and A. Buonopane in *Quotidien Municipal dans l'Occident Romain*, Clermont-Ferrand. Ed. by Berrendoner, C., C beillac-Gervasoni, M. and Lamoine L, 2008. P. 652.

Флавии Аммии, жрице Цереры, в честь церемоний, которые великодушно проводились, указом сословия

Несмотря на то, что текст представляет некоторые трудности при переводе, смысл довольно ясен. Мраморный памятник Флавии Аммии ставится муниципальным сенатом за её великодушие и щедрость по случаю проведения церемоний (*ob honorem caerimoniorum honestissimae praebitorum*), которые она, в качестве жрицы, ответственно выполняла. Никаких остатков храмов или других религиозных памятников, которые были бы определённо идентифицированы, в Капене обнаружено не было, хотя предполагаемые фрагменты храма были обнаружены в 1895 году во время стихийного бедствия, которое привело к образованию небольшого озера в этом регионе. Единственный культ, который засвидетельствован на месте древнего города, – это культ Цереры. Мраморный циппус⁶⁴, по-видимому, основание статуи, свидетельствует о чести, жрице богини. [L.R. Taylor 1923, 57]. Хотя нельзя с уверенностью определить, какие именно церемонии в сложном греческом ритуале Цереры совершала жрица, весьма вероятно, что Флавия Аммия и другие жрицы Цереры, отвечали за *sacrum anniversarium Cereris*, тайную церемонию хтонического характера, которая возглавлялась в Риме женщинами греческого происхождения, получившими римское гражданство.

Вследствие чего, данная надпись даёт нам понять о том, что женщины также могли проводить церемонии в честь богинь, а это весомое доказательство, дошедшее до нас в виде текста надписи. Вообще, почётные надписи женщинам довольно часто устанавливались по случаю их покровительства, благотворительности или, как в данном случае, по случаю выполнения жреческих обязанностей, что являлось своего рода почётом для женщины (*ob honorem*).

Следующая надпись относится приблизительно к III в. н.э. (201-300 гг. н.э.) и происходит из региона под названием *Trebula Mutuesca*, который в

⁶⁴ Этрусское надгробное украшение в виде конуса, крыши или плиты.

современности носит название Монтелеоне-Сабино. Данную надпись принято отождествлять с этим регионом, поскольку она является одной из самых известных, да ещё и посвящена женщине.

Aureliae Cre[s]/centiae honestissim[ae] / et pudicissim(a)e femin(a)e patro(nae) / co(n)iugi Aureli Felicissimi Pro/x(imi?) e(gregi) v(iri) patroni municipii Trebulan(ae) / Mut(uescae) ob merita et be[ne]ficia saepe / [i]n se conlata statuam ponendam / [i]dem tricliniares decreve/runt / dedicata natali die XVII Kal(endas) Feb(ruarias) / Arriano et Papo co(n)s(ulibus) / l(ocus) d(atu)s d(ecreto) d(ecurionum) (CIL IX 4894 = ILS 6554)

Аврелии Кресценции, благороднейшей и целомудреннейшей женщине, покровительнице, супруге Аврелия Фелициссима Проксима, всадника и покровителя муниципалитета Требула Мутуеска, за её заслуги и частое посвящение себя благотворительности. Те же триклиниары⁶⁵ постановили воздвигнуть статую, посвящённую ей по случаю её дня рождения за 17 дней до февральских календ (29 января), когда Арриан и Папус были консулами (243 год н.э.). На месте, данном по декрету декурионов

Аурелия Кресценция, наряду со своим мужем, была муниципальной покровительницей, и чествовалась, как и большинство других, за заслуги, т.е. *ob merita* и благотворительность, т.е. *beneficia*. Она также была покровительницей города и триклиниаров, о которых нам мало известно. Однако некоторые исследователи предполагают, что это было общество людей, которые следили за ходом пиршеств в триклиниумах⁶⁶.

По поводу рассматриваемой надписи практически нечего добавить, поскольку она является классическим и даже каноническим примером почётной надписи женщине. Однако интересно то, что после имени почитаемой следуют её определения *honestissimae* и *pudicissimae*, и только уже

⁶⁵ Геффкен Й. Реальный словарь классических древностей. Под ред. Й. Геффкена, Э. Цибарта, Тойбнер, 8-ое издание, 1914.: *tricliniares* – помощники триклиниарха, раба, который смотрел за триклиниумом.

⁶⁶ Hemelrijk E. Hidden Lives, Public Personae: Women and Civic Life in the Roman West, Oxford University Press, 2015. P. 249.

потом говорится о том, чьей женой она является, в то время как в предыдущих надписях имя мужа обозначалось сразу после имени (обычно после указания отца женщины). Интересно также то, что здесь употребляется не привычное *uxori*, а именно *coniugi*, которое может встречаться и в почётных надписях мужчинам, когда показывается, супругами кого они являлись.

Ещё одна исследуемая нами надпись относится к городу под названием *Avioccala*, который входил в состав провинции Северная Африка. Приблизительно в 240-250 гг. н.э. Осция Модеста была удостоена статуи и соответствующей надписи в своём родном городе.

[O]sciae Modes/[tae] / [-]iae Corne/liae [P]a[tr]ui/nae Publianae / c(larissimae) f(eminae) civi et patr(onae) / ob insig(nia) eius me/rita quibus in/lustrat origi/nis suae patriam / civitas Avioccal(enses) d(ecreto) d(ecurionum) p(ecunia) p(ublica) (CIL VIII 23832)

Осции Модесте Корнелие Патруине Публиане, славнейшей женщине, гражданке и покровительнице (города Авиоккала), за её выдающиеся заслуги, благодаря которым она прославила свой город происхождения (родину). По указу декурионов, на государственные деньги

Когда Осция была покровительницей Авиоккалы, её сын, Гай Аррий Кальпурний Квирина Лонгин, стал консулом (около 238 г. н.э.)⁶⁷ и покровителем Авиоккалы, а её муж, Гай Аррий Кальпурний Фронтин Гонорат, служил консулом-суффектом, а затем стал покровителем Антиохии Писидийской в провинции Галатия⁶⁸. Осция вышла замуж за представителя выдающегося рода Арриев и была связана браком с родом Кальпурниев. Марк Флавий Росций Гонорат, её внук, позже почтил её статуей, и Аррии продолжали оставаться одной из самых влиятельных семей в Авиоккале.⁶⁹ Поскольку Осция вышла замуж за покровителя, то посвящённая ей надпись

⁶⁷ CIL VIII 23831, надпись Гаю Аррию Кальпурнию Квирину Лонгину.

⁶⁸ AE 1914, 130, надпись Гаю Аррию Кальпурнию Фронтину Гонорату.

⁶⁹ CIL VI 147, статуя, посвящённая Осции.

свидетельствует о том, что она продолжала это покровительство, являясь благотворительницей для своей родины.

Будучи женой консула, Осция Модеста прожила большую часть своей жизни за пределами своей родины, сопровождая своего мужа в его служебных поездках по греческим провинциям и проживая в Риме, где она воспитывала своего внука. После долгой жизни она была похоронена в Риме, оставив эпитафию на псевдогомеровском греческом языке (предположительно, составленную ею самой), в которой она рассказывает о своём браке с консулом и о скорби по поводу ранней смерти своих детей, а также об утешении, которое она отыскивала в Музах.⁷⁰ Тем не менее, там ни слова не сказано ни о её североафриканском происхождении, ни о маленьком провинциальном городке, который с такой гордостью и честью представил её в качестве своей гражданки и покровительницы.

Пример Осции Модесты показывает, до какой степени Рим и провинциальные города были далеки друг от друга. В то время как провинциальное происхождение может стеснять членов сенаторской элиты Рима, в местных городах очень гордились своими успешными соотечественниками, как мужчинами, так и женщинами. Подобные знаки почёта были невозможны в столице, где общественные статуи и строительство общественных зданий, начиная с правления Августа, все больше и больше становилось привилегией императора и его семьи. Поэтому в Риме периода Империи такие женщины, как Осция Модеста, не получали общественных статуй. В столице женщины не из семей высшего класса едва ли оставили какие-либо следы в жизни города [Nemelrijk 2012, 478].

Достаточно трудно интерпретировать фразу *merita quibus illustratis originis suae patriam* как чествование заслуг, относящихся к чему-либо, кроме гражданского благодеяния. Осция не могла защитить свою родину в суде или с помощью какой-либо военной силы, как это мог бы сделать военный легат.

⁷⁰ IG XIV.1960, эпитафия Осции Модесты.

Единственную важную роль, которую могли играть покровители города, – продолжение традиции благотворительности для города и общественности, что часто практиковалась во влиятельных семьях. Часто упоминаемое слово *merita* в почётных надписях указывает на благодеяния, и именно с помощью этого метода Осция смогла усилить своё покровительство и, несомненно, свою важность на родине.

Самая поздняя и, соответственно, последняя надпись, которая будет рассмотрена нами в этом параграфе, датируется 286-325 гг. н.э. и происходит из города *HisPELLum* (современный Спелло) в Умбрии. Крайне обветшалое состояние памятника объясняется тем фактом, что он много веков пролежал под открытым небом, ввиду чего подвергался различным разрушительным воздействиям. Буквы настолько стёрлись, что мы с трудом можем добиться достоверного чтения.

Liciniae C(ai) f(iliae) Vic/[t]orinae c(larissimae) m(emoriae) f(eminae) / C(ai) HisPELLae Gavi / Saturnini c(larissimae) m(emoriae) v(iri) / ob singular(em) eius / castitatem / et erga se munifi/centiam / splendidissimus / ordo colon(iae) / HisPELLatium / d(ecreto) d(ecurionum) (CIL XI 5270)

Лицинии Викторине, дочери Гая, памяти славнейшей женщины, жене Гая Хиспелла Гавия Сатурнина, памяти славнейшего мужа, за её исключительную нравственную чистоту и щедрость со своей стороны. Славнейшее сословие колонии Хиспеллатиум, по указу декурионов

Титул славнейшей женщины указывает на принадлежность к сенаторскому сословию, возможно, не по рождению, а благодаря браку с Гавием Сатурнином. А вот строчка с *C. HisPELLae* была недавно интерпретирована как *c(ivi) HisPELLae*, причём относится она именно к женщине, как к гражданке Хиспеллы.⁷¹ Но в таком случае удивительно, почему в тексте надписи используется именно такая формула, ведь она должна быть гражданкой *HisPELLati*, и почему эта формула следует только после

⁷¹ Zuddas E. La prosopografia di Spello in età imperiale. La Villa dei Mosaici di Spello. Dallo scavo alla valorizzazione, a cura di G. Sabatini, Perugia, 2019. Pp. 136-137.

clarissimae memoriae feminae, симметрично повторяя формулу у своего мужа. К тому же, многих отвлекает тот факт, что указано гражданство женщины, поэтому данную надпись до сих пор предпочитают читать с именем её мужа, а не с указанием гражданства Лицинии Викторины⁷². Однако, если руководствоваться одним из самых трудоёмких анализов данной надписи, то можно сделать вывод, что на данном этапе расшифровка надписи приближена к оригиналу настолько, насколько это возможно. Так, один из исследователей склоняется к тому, что личное имя *Hispella* связано с городом, где состоялось посвящение статуи, поскольку оно однозначно свидетельствует о связи Сатурнина с *Hispellatum*. Возможно, он, его отец или жители более отдалённых районов были уроженцами этого города.⁷³ Его жена, Лициния Викторина, должно быть, также имела близкие отношения к городу, потому что в противном случае её исключительная нравственная чистота (*singularis castitas*) и щедрость по отношению к городу (*munificentia*) были бы непонятны. Однако мы видим, что Лицинию Викторину чествовали за *castitas*, которая была только её (*eius*), и за *munificentia*, которая выражалась публично (*erga se*).

В соответствии с вышеизложенным, мы можем сделать вывод о том, какие отличия прослеживаются в почётных надписях, посвящённых мужчинам и женщинами.

Во-первых, стоит отметить, что практически все рассмотренные нами надписи ставят в самое начало имя почитаемого человека в дательном падеже. Затем следует указание на происхождение человека. Надписи как мужчинам, так и женщинам имеют указание на то, чьим сыном или дочерью (*filio / filiae*) является почитаемый(ая). У большинства мужчин после упоминания отца пишется триба (*Palatina, Horatia, Pollia tribu*), в то время как у женщин указывается их семейный статус (*uxori, coniugi, femina stolata*).

⁷² Zuddas E. La prosopografia di Spello in età imperiale. La Villa dei Mosaici di Spello. Dallo scavo alla valorizzazione, a cura di G. Sabatini, Perugia, 2019. Pp. 136-137.

⁷³ Kajawa M. *Hispella* and CIL XI 5270 from *Hispellum*. *Tyche - Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik*, Band. 3, 1988. Pp. 135-139.

Во-вторых, когда дело доходит до *cursus honorum* человека, то очевидным представляется отметить, что у мужчин сразу же начинается перечисление всех их титулы, у женщин же название должностей ограничивается *sacerdos* и *patrona*, поскольку они не могли занимать государственных должностей. При этом в женских надписях должности могут указываться у её мужа (как, например, в CIL IX 4894 = ILS 6554), но это точно нельзя назвать его *cursus honorum*, поскольку чествуется другой человек, и это оттеняло бы заслуги почитаемой женщины.

В-третьих, мужчины, как правило, почитаются за покровительство города или муниципия, за их любовь к ним и к их жителям (*patrono coloniae amantissimo patriae, erga amorem patriae et civium, erga municipes patriamque adfectionem*), но за эти добродетели почитаются и женщины, которые также являются покровительницами и совершают благотворительность по отношению к колониям (*ea munifica erga coloniam fuit*). Мужчины и женщины равно жертвуют деньги на восстановление или строительство (*porticum vetustate refecit / thermarum quas post multum temporis ad pristinam restauraverunt*).

Интересно, что *ob merita* встречается в большинстве почётных надписей, даже если природа заслуг почитаемого неясна из надписи. В мужских надписях встречается вариант *ob merita et innocentiae eius honoris gratia*, в то время как в женских *merita* часто ставится с *beneficia*, но иногда и раскрывается понятие заслуг и щедрости женщины, как, например, в форме *ob insignia eius merita quibus inlustrat originis suae patriam*, в которой заслуги почитаемой касаются её прославления родины.

В-четвёртых, в мужских надписях достаточно часто встречаются определения в превосходной степени (*amantissimo, dignissimo, viro optimo, nobilissimo*), в женских такого практически не заметно. Мужчины могут прославиться за счёт своей службы или правления, поэтому в надписях у правителей может стоять множество определений, описывающих их если не божественную природу, то хотя бы индивидуальность. У женщин же качества,

за которые могут почитать, ограничиваются их благотворительностью в большинстве случаев, но по исследуемым надписям мы можем видеть, что в женщинах также почитались и такие качества как *castitas* или *pudicitia*. В них ценились больше внутренние качества, в то время как в мужчинах искали исключительности и выдающихся заслуг.

В-пятых, после перечисления всех титулов и доблестей, которые могут помочь нам понять мотивы установления статуи с почётной надписью, следует информация о том, кто являлся попечителем статуи (например, *collegium centonarum*, *collegium pastophorum*, *colonia* или человек, взявший на себя функции попечителя). Этот пункт является общим как для мужчин, так и для женщин, равно как и указание (но не всегда) на *pecunia*, которые могли быть как деньгами общности, коллегии, колонии, так и собственными деньгами почитаемого, который оплатил себе статую сам.

Отдельно стоит сказать о проблеме перевода надписей, который не всегда понятен. Надписи могут содержать какую-либо новую для нас информацию (поэтому они являются источниками знаний для историков), которую трудно понять из контекста. Из-за воздействия времени и любых разрушительных действий природного характера, надписи стираются или ломаются, что усложняет перевод и верную трактовку посвящения. Лакуны в надписях могут носить важный характер, ведь благодаря нужным словам получилось бы верно их расшифровать. На примере рассмотренных выше надписей можно убедиться, что некоторые из них тяжело трактовать определённо, а какие-то и вовсе не дают нам никакой ценной информации о почитаемом человеке. Из-за недостающих знаний в области эпиграфики достаточно трудно исследовать её сохранившийся материал, однако мы пытаемся делать это и по сей день, в то время как новые надписи продолжают находить.

Заключение

Прежде всего, подытожим, что надписи не всегда могут трактоваться однозначно, поскольку их сложно втиснуть в строгие рамки эпиграфики. Для изучения надписей можно объединить их по группам (время, регион, для кого предназначается надпись, её содержание или материал, на котором она высечена), но сама суть почётной надписи состоит в том, чтобы дать понять нам, чем почитаемый человек её заслужил. Как мы уже отмечали, надписи не всегда учитывают мотивов того, кто посвящает ту или иную надпись себе или другому человеку. Эти мотивы возможно понять, если установить историческую подлинность упоминаемого человека, места или события, однако это не всегда представляется возможным, и это одна из основных проблем при изучении почётных надписей. Для понимания надписей нужны широкие знания в области истории, культурологии, филологии и источниковедения.

Исследовать почётные надписи довольно проблематично: мы едва ли можем выделить их в отдельный класс, только если они однозначно не содержат в себе *cursus honorum* почитаемого. По своему источнику и материалу, они могут быть как общественными, так и частными, как на мемориальном столбе в честь выдающегося человека, так и в атриуме по случаю смерти члена семьи. Что касается их исторического развития, многие исследователи не отделяют почётные надписи от элогий, поскольку считают, что это одно и то же, в то время как мы объяснили, что элогии – это самый ранний вид почётных надписей (краткий, сжатый и показывающий лишь то, кем являлся почитаемый).

Наше исследование показывает характер изменений, которые прослеживаются в почётных надписях в зависимости от их предназначения: благотворителю, покровителю, императору, члену семьи или даже другу. Мы также отметили, что почётные надписи из разных регионов имеют свои особенности (например, в Остии есть свой *scriba cerarius*, в Индустрии была

своя *collegium pastophorum Industriensium* и т.д.). Надписи мужчинам и женщинам также носят различный характер, хоть и по своей сути одинокого прославляют человека за его заслуги: у женщин указывается семейный статус (*uxori, coniugi, femina stolata*), у мужчин – триба (*Velina, Palatina, Quirina*). У мужчин всегда указывается их должность (*proconsul, aedilis plebis, quinquennalis*), в то время как у женщин статус ограничивается *sacerdos* и *patrona* или титулом *femina clarissima*, который она могла получить от мужа или отца.

Мужчины и женщины часто почитаются за покровительство своей родины и за любовь к ней (*erga municipes patriamque adfectionem*). При этом формула *ob merita* (иногда вкуче с другими составляющими) встречается в большинстве почётных надписей, даже если природа заслуг почитаемого неясна. При этом мужчины часто удостоиваются определений в превосходной степени (*amantissimo, viro optimo*) за свои выдающиеся заслуги перед лицом общественности, в то время как у женщин качества ограничиваются их благотворительностью (*munificentia, beneficia*).

Информация о том, кто являлся попечителем статуи (*collegium centonarum, colonia* или человек, взявший на себя функции попечителя) является общим пунктом для всех надписей, равно как и указание на то, кто выделил деньги.

Таким образом, почётные надписи различаются если не по своей структуре, то по формулам чествования. При всём своём многообразии они пересекаются с другими видами надписей и не всегда подлежат однозначной трактовке. Если это возможно, мы должны постараться дать своё видение спорных моментов в текстах, что может подтолкнуть исследователей к новым мыслям. Вследствие чего, нужно осуществить более комплексную выборку почётных надписей, дабы по изученной традиции чествования однозначно отделить их от других видов надписей и попытаться заполнить информационные пробелы, которые могут значиться в ряде похожих надписей.

Список использованной литературы

I (a)

1. Alföldy G. Konsulat und Senatorenstand unter den Antoninen: prosopograph. Unters. zur senator. Führungsschicht. Bonn: Habelt, 1977. Pp. 347-350.
2. Aounallah S. Les libertés des cités de l'Afrique romaine. Cartagine. Studi e Ricerche, 5, 2020. P. 19.
3. Boatwright. M.T. Hadrian and the Cities of the Roman Empire. Princeton University Press, 2002. P. 36.
4. Bond S.E. Ob Merita: The epigraphic rise and fall of the civic patrona in Roman North Africa. University of North Carolina at Chapel Hill, 2007. P. 62.
5. Bruun Ch. The Oxford Handbook of Roman Epigraphy // Edited by Christer Bruun, Jonathan Edmondson. Oxford University Press, 2015.
6. Bucheler F. Rheinisches Museum, № 42, 1887. P. 473.
7. Cagnat R. Cours d'épigraphie latine. Paris: A. Fontemoing, 1898. P. 239.
8. Chastagnol A. Un chapitre négligé de l'épigraphie latine: la titulature des empereurs morts, REL 62, 1984. P. 275–287.
9. Chelotti M. La stola, ma non il silenzio. Statue pubbliche per donne nell'Italia romana: un'indagine preliminare // M. Chelotti and A. Buonopane in Quotidien Municipal dans l'Occident Romain, Clermont-Ferrand. Ed. by Berrendoner, C., Cébeillac-Gervasoni, M. and Lamoine L, 2008. P. 652.
10. Cooley A.E. The Cambridge Manual of Latin Epigraphy. Cambridge University Press, 2012.
11. Curchin, L.A. The end of Local Magistrates in the Roman Empire. Gerión, vol. 32, 2012. Pp. 271-287.
12. D'Alonzo P. Patronage of Collectives: The Relations Between Patrons and Local Communities in Northern Italy. McMaster University, 2021. P. 101.
13. Degrassi A. Scritti vari di Antichità, Roma, Vol 3, 1967. P. 27.

14. Deutsches Archäologisches Institut. *Bullettino dell Istituto di corrispondenza archeologica per l'anno 1859*. Roma: Tipographia Tiberna. P.218.
15. Donahue J.F. *Iunia Rustica of Cartima: Female Munificence in the Roman West*. *Latomus*, T. 63, Fasc. 4, 2004. P. 86.
16. Donati A. *Aemilia tributim discripta. I documenti delle assegnazioni tribali romane nella regione romagnola e cispadana*. Faenza. 1967, Pp. 27-28.
17. Elisena S. *Atina dalle sue origini alla caduta dell'Impero Romano*, tesi di laurea, manoscritto del 1906. Edizione integrale in *Historia XVIII*, Centro di Studi Storici "Saturnia", Atina, 2008. Pp. 171-175.
18. Egbert J.C. *Introduction to the study of Latin inscriptions*. University of California Libraries, 1896. Pp. 243-247.
19. Erskine A. *A Companion to Ancient History*. Wiley-Blackwell, 2012. P. 29.
20. Fentress E. *Frontier Culture and Politics at Timgad*. *Bulletin Archéologique du C.T.H.S.*, 17b, 1984.
21. Flexsenhar III M. *Marcia, Commodus' 'Christian' Concubine and CIL X 5918*. *Tyche: Beiträge zur Alten Geschichte Papyrologie und Epigraphik* 31, 2016. Pp. 135-136.
22. Forbis E. *Municipal Virtues in the Roman Empire. The Evidence of Italian Honorary Inscriptions*. *Beiträge zur Altertumskunde*, № 79, 1996.
23. Forbis E. *Women's public image in Italian honorary inscriptions*. *American Journal of Philology* 111 (4), 1990.
24. Green B. *Christianity in Ancient Rome: The First Three Centuries*, New York, 2010 P. 135.
25. Hemelrijk E. *Hidden Lives, Public Personae: Women and Civic Life in the Roman West*, Oxford University Press, 2015.
26. Hemelrijk E. *Public Roles for Women in the Cities of the Latin West*. Ch. 35 in *A Companion to Women in the Ancient World*. Ed. by James S.L. and Dillon S. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2012. Pp. 478-481.
27. Kajawa M. *HisPELLa and CIL XI 5270 from HisPELLum*. *Tyche - Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik*, Band. 3, 1988. Pp. 135-139.

28. Kajava M. *Roman Female Praenomina: Studies in the Nomenclature of Roman Women*. Rome, 1995. Pp. 169-171.
29. Keil H. *Grammatici latini*. University of Toronto, 1857. Vol. 1, p. 145.
30. Louis Déroche, “Les Fouilles de Ksar Toual Zammel et la Question de Zama,” *MEFR* 60, 1948. Pp. 55-105; F. M. Russell, “The Battlefield of Zama,” *Archaeology* 23.2, 1970. Pp. 120-129.
31. Malaise M. *Les conditions de pénétration et de diffusion des cultes égyptiens en Italie*. Brill Archive, Vol. 22. 1972. P. 82.
32. Miano D. *Fortuna: Deity and Concept in Archaic and Republican Italy*, Oxford University Press, 2018. P. 68.
33. Mrozek S. A propos de la repartition chronologique des inscriptions latines dans le Haut-Empire, *Epigraphica* 35, 1973. Pp. 113-118.
34. Watson N. *Dreams and Superstition: A Reinterpretation of Satire in Apuleius, Metamorphoses 11*. *Ancient Narrative*, Vol. 11, 2014. P. 141.
35. Pepe C. *Figure femminili nelle iscrizioni di Atina. Le epigrafi della Valle di Comino*. Atti del quattordicesimo convegno epigrafico cominese, a cura di H. Solin, Atina, Palazzo Ducale 2 giugno 2018, San Donato Val di Comino, Associazione ‘Genesi’, 2019. Pp. 114-115.
36. Rosso F. *La praefectura fabrum fra legami personali e azione politica (II sec. a.C. – III sec. d.C.)*. (*Historia Einzelschriften* 262.) Pp. 613.
37. Rüpke J. *Fasti: Quellen oder Producte römischer Geschichtsschreibung?* *Klio* 77, 1995. Pp. 184-202.
38. Salomies O. *Some interesting expressions found in late antique honorific inscriptions*. *B Miscellanea epigrafica in onore di Lidio Gasperini*, ed. G. Paci (Tivoli 2000) II, Pp. 931–942.
39. Sandys J.E. *Latin epigraphy: an introduction to the study of Latin inscriptions*. Cambridge: University Press, 1919.
40. Schultz C.E. *Religion in Republican Italy* // Celia E. Schultz, Paul B. Harvey. Cambridge University Press, 2007. P. 135.
41. Stein A. Marcia 118, *RE* XIV 2, 1930. P. 1605.

42. Strong A.K. A Christian Concubine in Commodus' Court?, *Eugesta* 4, 2014. Pp. 238–259.
43. Taylor L.R. Local Cults in Etruria. *American Academy in Rome*, 1923. P. 57.
44. Woolf G. Monumental Writing and the Expansion of Roman Society in the Early Empire. *The Journal of Roman Studies*, 86, 1996. P. 22.
45. Yegül F. Baths and Bathing in Classical Antiquity, the architectural History. Foundation, New York-Cambridge MA 1993, P. 376.
46. Zuddas E. La prosopografia di Spello in età imperiale. *La Villa dei Mosaici di Spello. Dallo scavo alla valorizzazione*, a cura di G. Sabatini, Perugia, 2019. Pp. 136-137.

I (b)

47. Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV-VI вв.): Заметки о титулах знати: эгрегий, перфектиссим, клариссим. // *Византийский Временник*. № 24, 1964. С. 41-47.
48. Фёдорова Е.В. Введение в латинскую эпиграфику. М.: Изд-во Московского университета, 1982.
49. Фёдорова Е.В. Латинская эпиграфика. Издательство МГУ, 1969.
50. Штаерман Е.М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. Москва, Наука, 1964. С. 60.

II (a)

51. Ernout A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots* // A.Ernout, A.Meillet, 1985. P. 194
52. Charlton T. *A Latin Dictionary*. // Charlton T. Lewis, Charles Short. Oxford: Clarendon Press, 1879.
53. Peck H.T. *Harper's Dictionary of Classical Antiquities*, New York: Harper & Brothers, 1898.

54. Platner S.B. A Topographical Dictionary of Ancient Rome // Samuel Ball Platner. Thomas Ashby. London: Humphrey Milford. Oxford University Press. 1929

55. Steinby E.M. Lexicon topographicum urbis Romae. Vol. IV. Roma: Edizioni Quasar, 1999. Pp. 141-145.

II (b)

56. Геффкен Й. Реальный словарь классических древностей. Под ред. Й. Геффкена, Э. Цибарта, Тойбнер, 8-ое издание, 1914.

57. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. Издание Общества классической филологии и педагогики. СПб, 1885. С. 1162.

III

58. Apuleius. The Golden Ass, being the Metamorphoses of Lucius Apuleius. Stephen Gaselee. London: William Heinemann; New York: G.P. Putnam's Sons. 1915. Keyboarding. XI, 16-19; 24-27; 28-30.

59. Aulus Gellius. The Attic Nights. With An English Translation. John C. Rolfe. Cambridge. Cambridge, Mass., Harvard University Press; London, William Heinemann, Ltd. 1927. III 7, 19.

60. Caius Suetonius Tranquillus. De Vita XII Caesarum. Loeb Classical Library edition, 1913. II, 31, 29; V, 1; IV, 24;

61. Cassius Dio. Historia Romana. Translation by Earnest Cary. Vol. IX of the Loeb Classical Library edition, 1927. 73.4.6

62. Cicero: De Senectute. William Armistead Falconer. Cambridge. Harvard University Press; Cambridge, Mass., London, England, 1923. XVII, 61; XX 73.

63. Herodian of Antioch. History of the Roman Empire. Edward C. Echols. Berkeley and Los Angeles. 1961. 1.16.4–17.12; 2.1.1–4.

64. Hippolytys. *Refutatio Omnium Haeresium*. De Gruyter. Edited by Miroslav Marcovich. Vol. 25 in the series *Patristische Texte und Studien*, 1986. 9.12.10–11

65. Horace. *The Odes and Carmen Saeculare of Horace*. John Conington. trans. London. George Bell and Sons, 1882. IV, 8, 13-15.

66. Pliny the Elder. *Naturalis Historia*. Karl Friedrich Theodor Mayhoff. Lipsiae. Teubner. 1906. XXXV 12, 114.

67. Vitruvius Pollio. *On Architecture*. F. Krohn. Lipsiae. B.G. Teubner. 1912. V, 4; X, 4.

IV

68. *Corpus Gloss. Lat.* EL188. Доступно по ссылке: [<http://liberglossarum.huma-num.fr/exist/apps/libgloss/context.html?id-l=EL188>]

69. *Epigraphik-Datenbank Clauss / Slaby (EDCS)*. Доступно по ссылке: [https://db.edcs.eu/epigr/epi.php?s_sprache=en]

70. *Oxford Classical Dictionary*. Доступно по ссылке: [<https://oxfordre.com/classics>]